

Алекс
Кардиган

БРОКИНГЕМСКАЯ ИСТОРИЯ

*Бюрократический
детектив*

Том 18

Алекс Кардиган

Брокингемская история. Том 18

«Наш мир»

2024

УДК 82-3
ББК 84-44

Кардиган А.

Брокингемская история. Том 18 / А. Кардиган — «Наш мир»,
2024

ISBN 978-5-907795-52-5

Никогда не знаешь, как повернётся злодейка-судьба... В восемнадцатом томе «Брокингемской истории» знаменитые следователи Доддс и Маклуски по заданию начальства занимаются подпольной работой вдали от родной конторы. Они освобождают запертого в сарае бизнесмена и размышляют над загадочными событиями в Клубе Любителей Старинной Музыки, расследуют ограбление пункта обмена валют и драматическое происшествие на железнодорожном переезде – а первого апреля, в международный день дурака, они очень тонко и остроумно разыгрывают своего соседа по гостинице. Правда, самому соседу после этого было уже не до смеха...

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-907795-52-5

© Кардиган А., 2024

© Наш мир, 2024

Содержание

CLXXI. Равносторонний треугольник	6
CLXXII. Повторное убийство	27
CLXXIII. Одинокий путник	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алекс Кардиган

Брокингемская история. Том 18

© А. Кардиган, текст, 2024

© Издательство «Наш мир», оформление, 2024

CLXXI. Равносторонний треугольник

– Ну наконец-то закончился этот дурдом! – вздохнул с облегчением зам по кадрам, одетый в свой традиционный синий костюм, – Даже не верится...

Зам сидел по ту сторону главного стола в своём служебном кабинете. Напротив него расположились его подчинённые – следователи Отдела Расследований Доддс и Маклуски. За окном задорно выглядывало из-за туч ещё нежаркое мартовское солнце и весело каркали какие-то беззаботные птички.

– Вот я и дожил до лучших времён! – продолжил свою мысль зам, – На прошлой неделе Министерство наконец спровестило на пенсию одного своего заслуженного ветерана, а я теперь займу освободившееся место. Ещё недельку-другую на всякие бюрократические формальности – и я буду сидеть уже не в этом постылом дурдоме, а в уютном Министерском кабинете... (Позавчера я отгрохал по этому поводу свой прощальный банкет в шикарном ресторане «Стиляга».) У меня просто не хватает слов, чтобы выразить своё счастье! – воскликнул он в порыве нахлынувших эмоций, – Да, я покидаю это осточертевшее кресло заместителя по кадрам Директора Центральной полиции. Всего через несколько дней на нём будет сидеть совсем иное лицо... Надеюсь, вы догадываетесь, кого я имею в виду? – не без сарказма поинтересовался он у своих подчинённых.

Доддс и Маклуски настороженно переглянулись между собой.

– Да чтоб его...! – только и смог сказать Доддс.

– Вы думаете в верном направлении, – кивнул головой зам, – После меня это кресло займёт наш дорогой Уайтлок, нынешний начальник Отдела Жидкостей... На следующей неделе, в пятницу, тридцатого марта, будут подведены итоги очередного конкурса лучших отделов Центральной полиции. Уайтлок в третий раз подряд будет объявлен его победителем – и тем самым отпадёт последнее формальное препятствие на его пути к высшим административным должностям.

– Но вдруг ему всё же не удастся завоевать это дурацкое красное знамя? – проявил неискраемый оптимизм Маклуски, – До нас дошли слухи, что последняя Министерская проверка будто бы обнаружила в его большой бочке значительную недостачу спирта...

– Не смешите меня! – усмехнулся зам, – При чём здесь какой-то спирт? Вопрос о третьем красном знамени Уайтлока был предreshён ещё три месяца назад, когда ему присудили второе... Директор уже несколько раз возил Уайтлока в Министерство и представил его там как своего будущего заместителя. Министерские бюрократы со всех сторон сбегались на него посмотреть, как на какого-то диковинного зверя... (Ведь ещё никому в истории Центральной полиции не удавалось три квартала подряд выигрывать конкурс лучших отделов!) Так что очень скоро Уайтлок начнёт принимать у меня дела! Через пару недель он станет новым заместителем по кадрам Директора Центральной полиции, а заодно и новым временным куратором вашего Отдела Расследований – разумеется, до тех пор, пока ситуация вокруг вашего шефа окончательно не прояснится...

– Кстати, какова сейчас эта ситуация? – любопытствовал Доддс, – Что новенького слышно от нашего шефа?

– Не стану скрывать: Новости насчёт вашего шефа выглядят не слишком утешительно, – зам озабоченно покачал головой, – Его адвокат Бингли пока никак не может наладить контакт со своим подзащитным. Бингли старается изо всех сил, но ваш шеф сводит на нет все его труды... Как вы помните, недавно он был помещён на семеро суток в карцер своего следственного изолятора за оскорбление сотрудников прокуратуры. Бингли немедленно обратился в суд с просьбой смягчить эту меру наказания. Суд целую неделю тянул с рассмотрением его иска... В итоге ваш шеф отсидел в карцере весь положенный срок и был переведён обратно

в обычную камеру, а Бингли пришлось отзывать свой иск из суда. (Разумеется, в Министерство он доложил, что ему удалось добиться освобождения подзащитного из карцера.) На прошлой неделе Бингли лично навестил вашего шефа в камере СИЗО и попытался прояснить у него какие-то детали дела. Он предложил: «Давайте сделаем так: Я сейчас задам вам парочку вопросов и включу диктофон – а вы наболтаете свои ответы мне на ленту. Таким образом, мы сэкономим и бумагу, и время...» Но ваш шеф почему-то воспринял его предложение в штыки. Он воскликнул: «Нет-нет, я не намерен ничего диктовать на ваш болтофон!» Как утверждает Бингли, дело едва не дошло до драки – в связи с чем ваш шеф был повторно доставлен в тот же самый карцер. После этого Бингли заметно охладел к защите своего подопечного и даже не стал составлять новое обращение к суду с просьбой смягчить ему меру наказания...

– Но меня всё же радует, что шеф по-прежнему сохраняет боевой настрой в отстаивании своих интересов – в том виде, как он их понимает, – нашёл повод для оптимизма Маклуски.

– Конечно, все мы так или иначе сочувствуем вашему начальнику отдела, – проявил тактичность зам, – Я представляю, каково ему теперь томиться в этих карцерах и одиночных камерах! Да тут ещё и эти бесконечные изматывающие допросы...

– Ну, не будем преувеличивать! – поспешил вмешаться Доддс, – Допросы в изоляторе бывают далеко не каждый день, и продолжаются они не более нескольких часов подряд... К тому же, ни один допрос следователей прокуратуры не сравнится по накалу с ежедневными накачками у нашего Директора, на которых шеф присутствовал, пока ещё был на свободе! Поэтому я выскажу одну парадоксальную мысль: Пребывая в заключении, шеф скорее отдыхает от работы в Центральной полиции, чем испытывает какие-либо неудобства. Тем более, что в промежутках между допросами у него наконец появилось время, чтобы нормально выспаться...

– В чём-то я готов с вами согласиться, – охотно подтвердил зам, – Да, кое в чём работа в Центральной полиции сродни пребыванию в дурдоме... И всё же я бы не рискнул обменять своё кресло зама по кадрам на тюремные нары, – трезво взглянул на проблему он, – Как-никак жизнь заключённого имеет свои минусы. Например, от тюремного питания вы можете быстро заработать себе какую-нибудь язву желудка...

– Это-то как раз – не про нашего шефа! – решительно возразил Маклуски, – Вы бы видели, чем и как он питался, будучи на свободе...! Что бы ни говорили про тюремную кухню, но она хотя бы обеспечивает заключённым трёхразовое горячее питание – что для нашего шефа долгие годы было несбыточным идеалом... А посему я нисколько не сомневаюсь: Отсидев положенный по закону срок, наш начальник отдела выйдет на волю хорошо отдохнувшим и поправившим своё здоровье, изрядно пошатнувшееся за долгие годы самоотверженной работы в Центральной полиции...

– Похоже, это произойдёт ещё нескоро, – не спешил обольщаться зам, – А до тех пор ваш отдел будет продолжать находиться под надзором очередного куратора... Как вы уже поняли, я в самые ближайшие дни слагаю с себя это бремя. Ну а после меня его примет на свою шею наш дорогой Уайтлок... Но долго почивать на лаврах ему не придётся: Уже в понедельник, второго апреля, к нему в отдел кадров явится суровый и нелюбезный проверяющий из Министерства – которым, как вы уже догадались, окажется ваш покорный слуга, – зам кровожадно ухмыльнулся, – Обещаю вам: Я выявлю в работе этого раздолбайского отдела кадров все нарушения, какие только могут в нём быть! (Уж кому, как не мне, о них не знать!) И будет наш дорогой Уайтлок мяться и заикаться, пытаясь объяснить суровому проверяющему, куда же исчез его подопечный Родли, отправленный в краткосрочную командировку в июле прошлого года...

– Кстати, нет ли у вас новостей с этого фронта? – осведомился Доддс, – Может быть, нашему доблестному отделу режима удалось снова напасть на следы Родли?

– Есть у меня кое-какие новости на сей счёт, – зам понизил голос и опасливо огляделся по сторонам, – На прошлой неделе из полиции Рэксема поступила информация о том, что наш Родли был в очередной раз задержан в этом замечательном городе... Если вы ещё не забыли: Пару месяцев назад (вскоре после Нового года) Родли уже попадал в лапы рэксемских правоохранительных органов. Тогда наш отдел режима выслал за ним своего сотрудника Беннета – но тот на обратном пути угодил в медвытрезвитель, а Родли, воспользовавшись этим, опять от него ускользнул. И вот на минувшей неделе Родли снова объявился в Рэксема и снова повздорил на улице с каким-то полицейским. В итоге он был задержан и помещён в камеру временного содержания... Изучив его документы, полиция Рэксема обнаружила, что он – сотрудник нашей Центральной полиции. Она срочно связалась с нами и предложила нам забрать у них Родли – и мы охотно согласились. (Дабы не омрачать себе последние дни работы в этом дурдоме, я попросил отдел режима не докладывать пока Директору о поимке этого обормота. Я решил повременить с этим делом до тех пор, покуда Родли не будет окончательно доставлен на рабочее место. Как вскоре оказалось, я словно в воду глядел...) Теперь отдел режима отправил за Родли не Беннета, оплошавшего в прошлый раз, а другого своего сотрудника, Боумэна. Я лично провёл с ним инструктаж и строго-настрою предупредил, чтобы он, везя с собой Родли, не заходил по дороге ни в пивные, ни в рестораны, ни в другие какие соблазнительные заведения. Боумэн заверил, что всё понял. Увы, нам опять не удалось предусмотреть всего разнообразия ситуаций, в которые способен угодить наш Родли... Боумэн без приключений добрался до Рэксема, получил на руки Родли и повёз его на местный вокзал. Им требовалось проехать всего-то пару остановок на каком-то трамвае... Но буквально следом за ними в трамвай зашёл контролёр и принялся проверять у пассажиров билеты. Разумеется, ни у Боумэна, ни у Родли никаких билетов не оказалось. Боумэн предъявил контролёру своё удостоверение сотрудника Центральной полиции и своё командировочное предписание. Он попытался было объяснить, что находится в важной служебной командировке и имеет право на бесплатный проезд в общественном транспорте – но контролёр рассмеялся ему в лицо и предложил заплатить штраф за безбилетный проезд... Родли тоже предъявил контролёру своё удостоверение и командировочное предписание на выполнение какого-то важного секретного задания в рамках Брокингемского расследования. Поскольку он кричал громче Боумэна и тряс более замысловатыми документами, контролёр не рискнул с ним связываться и отпустил; а вот Боумэну он прямо на месте выписал штрафную квитанцию... Пока продолжалась вся эта канитель, Боумэн совсем упустил Родли из виду. Когда он наконец отвязался от контролёра, Родли уже и след простыл. И пришлось Боумэну возвращаться из Рэксема с пустыми руками... Отчитавшись передо мной о проделанной работе, он отправился в кассу за командировочными выплатами. Заодно он представил туда три железнодорожных билета в купе класса люкс (один – из Лондона до Рэксема и два – в противоположном направлении), а также три трамвайных билета, три жетона по оплате услуг такси и квитанцию об оплате штрафа за безбилетный проезд. (Разумеется, он утверждает, что обратный билет на поезд для Родли он приобрёл ещё заранее.) Боумэн надеется, что наша бухгалтерия компенсирует ему если не все, то хотя бы некоторые из этих расходов, понесённых им во время пребывания в служебной командировке... Таким образом, проблема Родли опять осталась нерешённой, и Уайтлок унаследует её от меня в полном объёме. Ну а помимо Родли у нашего дорогого Уайтлока на новом посту неизбежно возникнут и кое-какие другие проблемы... А ну-ка дайте мне ваши командировочные документы! – неожиданно предложил он; детективы охотно протянули ему свои многочисленные бумажные материалы, – Значит, на текущий момент вы числитесь в очередной командировке в рамках Брокингемского расследования... Кстати, куда вы собираетесь отправиться на сей раз?

– Скорее всего, в Пантинктон, – не стал разводить скрытность Маклуски.

– Тогда я пишу в ваше командировочное задание следующий пункт: «Место назначения – г. Пантинктон. Дата возвращения из поездки – понедельник, второго апреля», – зам деловито заскрипел своей шариковой ручкой.

– Неплохой вариант! – не стал привиредничать Доддс, – До второго апреля осталось ровно две недели. За это время мы как раз успеем доехать от Лондона до Пантинктона и вернуться обратно...

– А теперь слушайте меня внимательно! – зам слегка понизил голос, – По возвращении из командировки вы в тот же день, второго апреля, явитесь в этот же кабинет с отчётом о проделанной работе – но сделаете это не с самого утра, а чуть попозже, часам примерно к одиннадцати... Вы улавливаете мой замысел?

– Пока с трудом, – не стал преувеличивать Маклуски.

– Всё дело в том, что в свой рабочий журнал я внесу немного другие данные, – зам раскрыл большую амбарную книгу, лежавшую перед ним на столе, – «Доддс и Маклуски. Отдел Расследований. Место назначения – г. Гленвич. Дата возвращения из поездки – понедельник, двадцать шестого марта...» Ну, поняли наконец?

– Ах, так вот оно что! – смекнул Доддс.

– Я бы попросил вас вести себя в этой командировке предельно скромно и не влипать ни в какие скандалы, – методично продолжал зам, – Соблюдайте полную служебную конспирацию и, самое главное, вообще не звоните в Лондон, чтобы ваши сослуживцы не смогли догадаться, в каких краях вы находитесь...

– То есть, мы должны на пару недель уйти как бы в подполье? – назвал вещи своими именами Маклуски.

– Да, что-то вроде того, – подтвердил зам, – Ну а второго апреля, в самом начале рабочего дня, я нагряну в отдел кадров со внезапной Министерской проверкой, – мысленно заглянул в будущее он, – Я открою этот журнал и поинтересуюсь у Уайтлока, почему Доддс и Маклуски до сих пор не вернулись из Гленвича. Уайтлок, по своему обыкновению, начнёт выкручиваться и изворачиваться. Возможно, он скажет, что вы якобы застряли в Гленвиче по просьбе майора Грэггера. (Естественно, дозвониться до Грэггера и прояснить у него ситуацию он по горячим следам не сможет, поскольку того крайне непросто бывает отловить на рабочем месте.) А пока он будет вешать мне на уши свою лапшу, тут как раз наступит одиннадцать часов, и в отделе кадров появятся вы двое, – зам злорадно улыбнулся в предвкушении занятой сцены, – Из ваших документов будет следовать, что вы были направлены не в Гленвич, а в Пантинктон, и вернуться должны были не двадцать шестого марта, а второго апреля... После этого я смогу с полным правом доложить в Министерство о том, что новый заместитель по кадрам Директора Центральной полиции безнадежно запутался в своих должностных обязанностях и даже не знает, кто из его подчинённых в какую командировку уехал. (На бюрократическом жаргоне это называется полной служебной несостоятельностью и несоответствием занимаемой должности.) И наш дорогой Уайтлок в первые же дни своей работы на новом месте почувствует, почём фунт лиха... Итак, вы получили своё командировочное задание! – он протянул документы подчинённым, – Можете отправляться в очередную поездку! Мы с вами встретимся в этом же кабинете две недели спустя – но к тому моменту кое-кто из нас будет пребывать уже в немного ином статусе... Желаю вам всяческих успехов по службе и удачной работы под руководством нового начальника отдела кадров!

– К чёрту! – в один голос ответили Доддс и Маклуски.

Вскоре два прославленных детектива уже проходили твёрдыми уверенными шагами через так называемый дальний КПП своей родной конторы.

– Вот мы и дожили до роковых перемен! – подвёл неутешительный итог Доддс, – Ну как же всё-таки быстро бежит время! Ещё совсем недавно мы были уверены, что Уайтлок окончательно стёрт с лица земли и утоплен в потоках нашего компромата – но он вдруг всплыл

на поверхность в Отделе Жидкостей и как ни в чём не бывало продолжил своё восхождение по иерархической лестнице. Пока мы надеялись, что он сорвётся в какую-нибудь пропасть и провалится в тартарары, он карабкался по лестнице всё выше и выше; и вот он уже почти вплотную подкопался к креслу зама по кадрам. Если не произойдёт какого-то чуда, всего две недели спустя он возьмёт это кресло решающим штурмом... Но неужели мы позволим этому случиться? – воскликнул он в порыве чувств, – Удастся ли нам за эти две недели предотвратить надвигающуюся катастрофу?

– А что мы можем сделать? – развёл руками Маклуски, – Чем упорнее мы ведём борьбу с этим Уайтлоком, тем стремительнее он ползёт вверх... Может быть, нам стоит поменять тактику? А не попробовать ли нам предоставить Уайтлока самому себе? Не исключено, что он и без нашей помощи свалится с какой-нибудь иерархической лестницы и самостоятельно свернёт себе шею...

– Только на это нам и остаётся надеяться, – согласился Доддс, – Вот вернёмся мы две недели спустя из Пантинктона – тогда и узнаем, чем завершилось очередное служебное восхождение Уайтлока... А пока займёмся текущими проблемами! – призвал он сам себя и своего коллегу, – Как вы полагаете, имеет ли нам смысл срочно мчаться на вокзал и отбывать в Пантинктон на первом же поезде? Или, допустим, это дело может немного подождать?

– Данный вопрос стоит тщательно обдумать, – ответил Маклуски.

В этот момент два прославленных детектива как раз заворачивали за угол дома, соседнего с их родным общежитием... Но скрыться за этим углом они не успели – их остановил чей-то залихватский свист сзади. Обернувшись, они обнаружили за своей спиной задорно ухмыляющегося Гриффита, своего старого доброго приятеля и по совместительству начальника Оперативного отдела Центральной полиции.

– Куда это вы наострились? – поинтересовался у него Маклуски, – Уж не в «Боевой» ли «щит»?

– А я как раз хотел предложить вам это угадать с трёх раз! – подсадовал Гриффит, обмениваясь с коллегами тёплыми дружескими рукопожатиями, – Между прочим, если вам нечем заняться, то милости прошу со мной за компанию! Сегодня в «Щите» намечается кое-что любопытное...

– А что именно? – уточнил Доддс, – Ваш очередной дикий бизнес-проект?

– К чёрту все бизнес-проекты! – Гриффит энергично замахал руками, – Отныне «Боевой щит» будет использоваться мною исключительно по прямому назначению – то бишь, в качестве охранного предприятия... Если не верите, можете прогуляться со мной до «Щита» и сами в этом убедиться!

– А почему бы и нет? – не стал возражать Маклуски.

– Именно так мы и сделаем! – принял важное стратегическое решение Доддс, – А по дороге вы как раз познакомите нас с сутью дела...

– В двух словах суть нынешнего дела такова, – принялся излагать Гриффит на полном ходу, – В «Щит» обратился клиент с жалобой на телефонное вымогательство. Некто якобы требует с него какие-то две тысячи фунтов... Стафф и Лодердейл в конце концов убедили этого типа явиться к ним для заключения договора об оказании охранных услуг. В настоящий момент клиент уже должен сидеть в «Щите» и вести переговоры... Узнав об этом, я принял решение также прибыть на место событий. Не стану скрывать: Это дело меня заинтересовало... Прочие подробности вам расскажут Лодердейл и Стафф. К сожалению, изо всех подробностей у меня в памяти задержался лишь размер вымогаемой суммы...

– Похоже, дело и впрямь намечается любопытное! – вынужден был признать Маклуски.

В предвкушении любопытного дела о вымогательстве двух тысяч фунтов стерлингов все трое ускорили шаг. Вскоре они уже нажимали кнопку дверного звонка у входа в неказистое одноэтажное здание под вывеской «Боевой щит»... (Правда, висела она не снаружи, а внутри

здания, и видеть её могли лишь те, кому удалось прорваться по ту сторону входной двери.) Дверь открыл двухметровый немногословный охранник Раш. Впустив гостей, он молча кивнул им на дверь так называемой большой комнаты, откуда уже доносились чьи-то оживлённые голоса.

Зайдя в эту комнату, новоприбывшие обнаружили в ней следующих лиц: главу «Боевого щита», худошавого и энергичного Лодердейла; его заместителя Стаффа, полноватого и внешне обманчиво добродушного; юриста Холлза, молодого и скромного, с большим перстнем на левой руке; и, наконец, какого-то незнакомого типа. Последний был также молод, невысок и шупловат; на нём были надеты свитер навывпуск, длинный шарф и очки с затемнёнными стёклами. (Будь он чуточку позагорелее, вполне сошёл бы за итальянца.) Он сидел на стуле в центре комнаты, у стены, как бы в центре внимания аудитории. Все прочие располагались на других стульях по другим углам помещения... (В тот день, с учётом важности предстоящей беседы, все столы в этой комнате были сдвинуты к окну, освобождая тем самым больше места для стульев и сидящих на них участников переговоров.)

– Итак, нашего полку прибыло! – объявил Лодердейл, когда новоприбывшие без лишнего шума заняли ещё три свободных стула в разных углах комнаты, – Наши коллеги Гриффит, Доддс и Маклуски также изъявили желание присутствовать при нашем разговоре. Надеюсь, теперь дело пойдёт ещё веселей... Сноу, я прошу вас начать свой рассказ заново, чтобы наши коллеги услышали эту историю полностью, с самого начала! – обратился он к джентльмену в свитере и затемнённых очках.

– Да-да, конечно, – охотно согласился клиент, – Тогда ещё раз представлюсь: Моя фамилия – Сноу! – он учтиво поклонился слушательской аудитории, – В прошлый четверг вечером у меня в квартире вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку и услышал чей-то незнакомый голос – он сказал, что обязательно набьёт мне морду... Я подумал, что кто-то ошибся номером, и повесил трубку обратно. Но на следующий день, в пятницу, я решил на всякий случай из дома не выходить... (По роду занятий я – свободный художник. Таскаться каждый день на работу мне необходимости нет.) Вечером в пятницу мне опять позвонил тот же голос. Он назвал меня по фамилии («Эй, Сноу, ты там ещё жив?») и сказал, что я якобы должен кому-то две тысячи фунтов. Я послал его ко всем чертям и бросил трубку. На следующий день я разыскал в справочнике ваш телефон и решил обратиться к вам за помощью... Вы предложили мне заключить договор об оказании охранных услуг. Я обещал подумать – и действительно думал об этом все выходные. В субботу мне больше никто не звонил – и я уж было обрадовался, что недоразумение исчерпано... Но вчера, в воскресенье, поздно вечером, всё тот же голос позвонил мне снова. Он сказал, что мне следует поскорее принести куда-то две тысячи фунтов, иначе меня якобы ожидают какие-то крупные неприятности... Звонящий не представился и на мои вопросы не отвечал. Но в субботу я догадался установить на свой телефон так называемый АОН (Автоматический Определитель Номера); с его помощью мне удалось установить, с какого номера звонил этот тип. Вот этот номер! – он протянул Стаффу листок с какими-то каракулями.

Пока добродушный Стафф изучал этот листок, а Доддс и Маклуски с любопытством заглядывали ему через плечо, слово снова взял Лодердейл:

– Почерк этого телефонного анонима типичен для обычного рэкетира: Он позвонит вам несколько раз и запугает различными угрозами; после этого вы согласитесь на все его условия, а он сообщит вам, в какое место и в какое время вы должны принести ему эти две тысячи... Вы поступили очень благоразумно, обратившись за помощью в «Боевой щит»! Мы всегда будем рады защитить вас от недобросовестных вымогателей, – не упустил случая прорекламировать собственную контору он.

– Но вы действительно задолжали кому-то две тысячи фунтов? – уточнил у клиента юрист Холлз.

– В том-то и дело, что нет! – опроверг Сноу, – Я никогда ни у кого не брал в долг. Каким образом я вдруг оказался должен сразу две тысячи – для меня самого неразрешимая загадка...

– Вы должны быть с нами полностью откровенны! – призвал клиента Стафф, – Вы не должны утаивать от нас ни одной подробности ваших финансовых делишек! (Представьте, что вы находитесь не в охранном предприятии, а на приёмчике у врача...) Значит, вы и в самом деле не знаете, кому вы могли задолжать эти денежки?

Сноу скорчил настолько недоумевающую гримасу, что никаких дополнительных слов ему произносить не понадобилось.

– А не могли ли вы, допустим, взять кредит в банке, находясь в состоянии глубокого алкогольного опьянения? – подкинул остроумную идею Доддс.

– Исключено! – без тени сомнений ответил Сноу.

– И вы не знаете, кому принадлежит этот телефонный номер? – поинтересовался Маклуски, указав на бумажку в руках Стаффа.

– Понятия не имею! – пожал плечами клиент, – Вчера я впервые увидел эти цифры на экране своего АОНа!

Лодердейл и Стафф озабоченно переглянулись.

– Очень серьёзное положеньеице... – покачал головой Стафф, – Мы сильно рискуем, если возьмём вас под свою защиту... (А вдруг вы впутались в какую-то паршивую историю?) Мы скажем вам так: Мы, конечно, всегда рады помочь нашим клиентам; но если по ходу дела вдруг выяснится, что вы всё-таки утаили от нас некие важные обстоятельства, мы оставляем за собой право прекратить дальнейшие действия, направленные на вашу защиту. Согласно нашим морально-этическим принципам, мы считаем для себя невозможным защиту заведомо виновного лица...

– Заведомо невиновного лица, – поправил его Лодердейл.

– Нет, заведомо виновного лица, – настоял на своём Стафф.

– Почему заведомо виновного? – не понял Лодердейл.

Глава «Боевого щита» и его заместитель ещё раз переглянулись между собой – теперь уже вопросительно-недоумевающе.

– С филологической точки зрения Стафф прав! – поспешил вмешаться Доддс, – Два отрицания в сумме дают утверждение. Поэтому предложенный Лодердейлом вариант – невозможность защиты заведомо невиновного лица – равнозначен возможности защиты заведомо виновного лица. Подобное вряд ли соответствует высоким морально-этическим принципам «Боевого щита»... А вот защита заведомо невиновного (равно как и незащита заведомо виновного), напротив, достойна всяческого одобрения...

– Доддс, прекратите вашу демагогию! – не выдержал долго молчавший Гриффит, – Нам нужно подписывать с клиентом договор – а вы тут углубились в какую-то философию? Очень нехорошо с вашей стороны!

– Да, давайте подписывать договор! – вернулся к реальности Стафф, – Мы всегда рады помочь нашим клиентам – но, естественно, только в том случае, если это будет нам выгодно с материальной точки зрения. К счастью, наш тарифчик невелик – всего половина от вымогаемой суммочки, – он скромно улыбнулся, – Оплата должна производиться в наличных денежных. Всякого рода долговые расписочки и чекчики нами не принимаются...

– Половина суммы? – задумался Сноу, – То есть, тысяча фунтов? Но не многовато ли это будет?

– Выбирайте сами, что вам больше по душе, – снова вступил в беседу Лодердейл, – Заплатить тысячу фунтов – и полностью обеспечить свою безопасность; или же сэкономить на безопасности – и угодить в какую-то дурацкую историю... Я не собираюсь вас пугать, но всё же расскажу вам один поучительный случай: Как-то раз один прижимистый бизнесмен, пожалев потратиться на надёжную охрану, подвергся нападению злоумышленников в подъезде

собственного дома. В итоге он попал в больницу и заплатил за своё лечение в двадцать раз больше, чем сэкономил на охранных услугах...

– Между прочим, пятьдесят процентов – вполне пристойный тариф для дел, подобных этому, – поддержал начальство Холлз, – В некоторых иных конторах с клиента могут содрать гораздо больше...

– К тому же, у вас нет особого выбора, – радушно улыбнулся клиенту Стафф, – К кому ещё вы можете обратиться, помимо нас? В полицию? Но она вами заниматься не станет... (У неё и без того хватает забот.) К бандитам? Но они возьмут с вас не меньше нашего, а работу по вашей защите выполнят куда хуже нас. (У бандитов вообще плохо развито чувство ответственности за судьбу клиента.) Уверяю вас: Вы и в целом мире не найдёте никого, лучше «Боевого щита»! Вот, убедитесь: Мы уже приступили к вашей защите от вымогателей и даже получили первые результаты! – (он издала показал Сноу бумажку с телефонным номером), – А посему мы рекомендуем заключить с нами договорчик на оговоренных условиях: Вы платите нам за работу тысячу фунтов; половина от этой суммы вносится при заключении договорчика, а другая половина – при его закрытии.

– Ну хорошо, я согласен! – вздохнул Сноу, – Пятьсот фунтов я с собой уже привёз...

– Вот и славненько! – оживился Стафф, поднимаясь со стула, – Пройдёмте в соседнюю комнатку – там и подпишем договорчик! Холлз, вы приготовили два пустых бланка? Идите с нами – вы нам ещё пригодитесь... Лодердейл, держите бумажку! – он протянул листок с телефонным номером главе «Щита», – Поразмышляйте над этой информацией, пока мы будем подписывать договор с клиентом...

– Я тоже пойду с вами! – встрепенулся Гриффит, резко вскакивая со стула, – Я должен присутствовать при подписании договора!

В здании «Боевого щита» произошли небольшие пертурбации: Стафф, Холлз, Сноу и Гриффит перешли из большой комнаты в малую, расположенную за ближайшей стенкой; охранник Раш продолжал по-прежнему расхаживать по коридору; что же касается Лодердейла, Доддса и Маклуски, то они, оставшись в большой комнате втроём, подсели к одному из столов и принялись внимательно разглядывать бумажку с каракулями Сноу.

– На первый взгляд, это – обычный лондонский телефонный номер, – осторожно и взвешенно высказался Доддс, – Может быть, нам стоит позвонить туда и спросить, куда мы попали?

– Не спешите! – остудил его пыл Лодердейл, – Всему своё время! Сперва мы должны дожждаться условного сигнала...

Все трое неподвижно просидели на своих местах ещё несколько томительных минут, разглядывая листок с телефонным номером и напряжённо обдумывая различные способы борьбы с неизвестными рэкетирами... Их раздумья прервало чуть слышное постукивание из-за соседней стенки.

– А вот и сигнал! – мгновенно отреагировал Лодердейл, – Холлз даёт нам знать, что Сноу только что подписал договор и заплатил первоначальный взнос. Теперь мы можем со спокойной душой приниматься за работу! Итак, чей же это телефон? – он уже более сосредоточенно взглянул на каракули клиента, – Так-так-так... Кажется, эти цифры мне хорошо знакомы! – он выдвинул верхний ящик стола и извлёк из него толстенный телефонный справочник, – Ну да, так и есть! – воскликнул он, раскрыв его на нужной странице, – Полюбуйтесь-ка на этого красавца!

Заглянув Лодердейлу через плечо, Доддс и Маклуски увидели перед собой рекламное объявление какого-то охранного предприятия. На рисунке был изображён внушительного вида атлет, облачённый в средневековую кольчугу с круглым шлемом на голове и держащий в руках длинное античное копьё. Текст под рисунком гласил: «Охранное предприятие „Центурион“». Все виды охранных услуг, сопровождение в поездке любой дальности, обслуживание долгов, решение проблем с нежелательными лицами, проверка благонадёжности деловых партнёров,

дополнительные индивидуальные работы и т. п.» Ниже были указаны три телефонных номера, один из которых полностью совпадал с тем, что записал на своей бумажке Сноу.

– Так вот кто, оказывается, напрягает нашего клиента! – подвёл промежуточный итог Лодердейл, – Ну что ж, попробуем позвонить в этот «Центурион» и прозондируем обстановку...

Он придвинул к себе телефонный аппарат и набрал на нём заветную цифровую комбинацию. Из встроенных динамиков донеслось несколько длинных вызывных гудков... Наконец, они смолкли, и их сменил чей-то приветливый бас:

– Фирма «Центурион» слушает!

– Баннистер, я узнал вас по голосу! – поприветствовал его звонящий, – А вы меня узнаете?

– Лодердейл из «Боевого щита»! – безошибочно определил далёкий Баннистер, – Давненько вас не было слышно... Ну, чем могу служить?

– Нам требуется ваш дружеский совет, – начал издалека Лодердейл, – Некто обратился к нам с просьбой проверить благонадёжность одного типа по фамилии Сноу. Ходят слухи, что у вас имеется кое-какая любопытная информация на его счёт...

– Ага, Сноу! – смекнул Баннистер, – Да, знакомая фамилия... Не стану скрывать: Некий Сноу недавно попал в сферу наших интересов. Один из наших клиентов (его фамилия – Джоэл) на днях заключил с нами договор на обслуживание долгов. Он утверждает, что этот Сноу задолжал ему две тысячи фунтов... На прошлой неделе наши люди приступили к обработке этого Сноу. Окончательных результатов мы ждём в самые ближайшие дни... Так что вашему приятелю лучше пока воздержаться от деловых контактов с этим Сноу!

– Давайте уточним: Вы уверены, что Сноу действительно должен вашему Джоэлу эти две тысячи? – поставил вопрос ребром Лодердейл.

– Экий вы любопытный! – добродушно пробасил Баннистер, – Открою вам страшный секрет: Джоэл, к сожалению, не представил никаких расписок от Сноу, и нам пришлось поверить ему на слово. В конце концов, он обязался заплатить нам половину от выбиваемой суммы – то бишь, тысячу фунтов...

– А теперь поговорим серьёзно! – Лодердейл резко сменил тон с фамильярного на официальный, – Довожу до вашего сведения, что этот Сноу заключил с нашим «Боевым щитом» договор на оказание охранных услуг, а мы приняли на себя обязательства по его защите от угроз с вашей стороны. Так что, будьте добры, оставьте нашего клиента в покое! – в его голосе промелькнули угрожающие нотки.

– Лодердейл, вы не шутите? – обеспокоенно поинтересовался Баннистер.

– Никаких шуток! – подтвердил глава «Боевого щита», – В данный момент этот Сноу сидит со Стаффом и Холлзом в соседней комнате. И он уже заплатил нам первоначальный взнос...

– Ну и дела... – озадаченно протянул Баннистер, – Лодердейл, вы должны войти в наше положение: Джоэл тоже уплатил нам первоначальный взнос в размере пятисот фунтов. Мы уже не вправе разорвать с ним договор о выбивании долгов!

– А мы тем более не можем разорвать договор со Сноу, – парировал Лодердейл.

– Значит, придётся нам искать компромисс, – сделал вывод Баннистер.

– Давайте прямо сейчас и начнём его искать! – согласился Лодердейл, – Кто к кому сперва поедет: мы к вам или вы к нам?

– Я предлагаю встретиться на нейтральной территории, – мгновенно сориентировался мастер по поиску компромиссов, – Полагаю, наша старая добрая забегаловка вам подойдёт? Подъезжайте туда где-нибудь через полчаса! Я буду ждать вас напротив входа...

– Принято! – не стал возражать Лодердейл, – Итак, возле забегаловки через тридцать минут...

В тот момент, когда он уложил трубку на аппарат, из коридора как раз послышались чьи-то оживлённые шаги и голоса... Несколько секунд спустя в большую комнату вошли Стафф и Холлз с выражениями честно исполненного долга на усталых, но счастливых лицах.

– Докладываю: Договорчик подписан, а первоначальный взносик от клиента получен и заперт в сейфик! – отрапортовал Стафф, усаживаясь на свободный стул, – Отныне Сноу находится под опекой «Боевого щита». Он только что отправился к себе домой... От всей души надеюсь, что по дороге его никто не пристукнет. В этом случае у него появятся хорошие шансы дожить до закрытия договора и заплатить нам вторую половину оговоренной суммочки...

– А куда делся Гриффит? – полюбопытствовал Маклуски.

– Умчался к себе в Оперативный отдел, – сообщил Холлз, – Его интересовала лишь процедура подписания договора. (А со всем прочим, как он считает, мы прекрасно справимся и без его надзора.)

– Кстати, я уже выяснил, откуда исходят угрозы нашему клиенту, – похвастался Лодердейл, – Это оказалось хорошо нам знакомое охранное предприятие «Центурион». Я уже договорился с Баннистером о встрече в забегаловке через полчаса...

– «Центурион»? Да, мне сразу показался знакомым этот телефонный номер, – не особо удивился Стафф, – Но кто из нас поедет на переговоры с Баннистером?

– Мне уже никак от них не отвертеться. Я пообещал Баннистеру, что точно подъеду, – поставил его в известность Лодердейл.

– Боюсь, мы со Стаффом не сможем вас сопровождать, – выразил сожаление Холлз, – С минуты на минуту нам должен позвонить очередной клиент... Это – какой-то бизнесмен с большой дороги. (Он просил не называть его фамилию.) Он собирался в какой-то банк на какие-то переговоры, но опасается, что его могут пристукнуть по пути или даже на самих переговорах. Он сказал, что ему требуется охранник, сопровождающий и юрист – стало быть, с ним поедет я, Стафф и Раш... Если клиент в последний момент не передумает, то... А вот он уже звонит!

– Фирма «Боевой щит» слушает! – произнёс Стафф, снимая трубку с зазвонившего телефона.

– Я звоню насчёт охраны, – раздался из встроенных динамиков чей-то развязный голос, – Мне нужен сопровождающий, охранник и юрист.

– Да-да, вы попали по адресу! – добродушно рассмеялся бывший полковник госбезопасности Стафф, – А мы тут всё сидим и гадаем: Почему не звонит наш уважаемый клиент? Мы все трое полностью готовы к выезду. А вы?

– Я тоже всегда готов, – отрапортовал клиент, – Ваша контора мне сразу понравилась! Особенно меня радуют ваши расценки за сопровождение... Кажется, мы с вами договорились о восьмидесяти фунтах; не так ли?

Стафф ненадолго задумался. В наступившей тишине отчётливо прозвучал голос Холлза:

– Намекните-ка этому типу: За восемьдесят фунтов он может прогуляться до банка пешком и без нашей помощи!

– Алло, уважаемый клиент! – произнёс в трубку Стафф, – Вы говорите, мы договорились с вами о восьмидесяти фунтиках? Но ведь этот разговорчик состоялся не сегодня; не правда ли?

– Мы говорили с вами три дня назад, в прошлую пятницу, – напомнил клиент.

– Ах, так это, оказывается, было ещё на прошлой неделе! – беспечно засмеялся Стафф, – Но с той поры, как говорится, уже много водички утекло... К сожалению, за истекший период инфляция в стране немного выросла – а это привело к небольшим измененьицам в наших расценочках...

– Если к небольшим, то невелика беда, – не стал отчаиваться клиент, – Каковы теперь ваши расценки?

– Сейчас я проясню этот вопрос у нашего экономиста! – пообещал Стафф, отнимая трубку от уха и прикрывая микрофон ладонью, – Ну, сколько нам с него запросить? – обратился он к своим коллегам.

– Оставляю это на ваше усмотрение, – устранился от непростой проблемы Лодердейл, – Прозондируйте аккуратненько, сколько у него денежек, и закиньте крючочек чуточку повыше!

– Алло, уважаемый клиент! – произнёс Стафф в трубку, убрав ладонь с микрофона, – Я тут проконсультировался с экономистом и выяснил, что наши расценочки за сопровождение немного увеличились. Теперь они составляют сто фунтов...

– Ну, это – сущие пустяки, а не увеличение! – вздохнул с облегчением клиент.

– Минуточку-минуточку! – тут же поправился Стафф, – Вот экономист уточняет: Не сто фунтов, а от ста фунтов!

– Но сколько именно? – не понял клиент.

– Судя по его развязному тону, не такой уж он и бедный, – высказал подозрение Лодердейл, – А ну накиньте-ка ему ещё немножко!

– Уважаемый клиент, вы слышите? – обратился Стафф в телефонную трубку, – Наши охранники утверждают, что дорожка от вашего дома до банка простреливается из прилегающих переулочков. Увы, мы вынуждены поднять наши расценочки до ста пятидесяти фунтов...

– Это – ещё ничего, – ответил клиент (хотя уже далеко не таким радостным голосом), – В таком случае...

– Минуточку-минуточку! – прервал его Стафф, – А вот наш юрист сообщает, что с юридической точки зрения ваш случай чересчур запутан. Боюсь, нам придётся поднять расценочки до двухсот фунтов...

– Уф! – сказал клиент совсем угрюмо и неприветливо, – Ну ладно, чёрт с вами – пускай будет двести! Но тогда...

– Подождите-подождите! – остановил его Стафф, – А вот наш шофёр докладывает: Дорожка от вашего дома до банка сегодня вся раздолбана. Итого наши расценочки возрастают до двухсот пятидесяти фунтов...

Из встроенных динамиков послышались какие-то странные сдавленные звуки, напоминающие хрип удушяемого. Наконец, клиент сердито произнёс: «Жду вас через полчаса!» и бросил трубку.

– Стафф, вы были неподражаемы! – отдал должное коллеге Доддс, – За каких-то пять минут вам удалось взвинтить первоначальные расценочки более, чем в три раза – с восьмидесяти до двухсот пятидесяти фунтиков!

– Не зря же я получал высшее образование! – хмыкнул бывший полковник госбезопасности, – Итак, мы с Холлзом и Рашем отбываем на сопровождение клиента – ну а вам, Лодердейл, придётся отправляться на переговоры с Баннистером одному...

– Один он в любом случае не останется! – опроверг Маклуски, решительно поднимаясь со стула.

– Мы составим ему компанию в этой поездке! – пообещал Доддс, уже успевший принять стоячее положение, – Нам и самим стало интересно узнать, каким финалом завершится эта дурацкая история...

Несколько минут спустя здание «Боевого щита» оказалось полностью опустевшим внутри и запертым на замок снаружи. Стафф, Холлз и Раш заняли места в одной из двух полубоевых машин, припаркованных возле входа, а Доддс, Маклуски и Лодердейл – в другой. Затем обе машины оперативно завелись и стремительно разъехались в разные стороны.

Не прошло и четверти часа, как Лодердейл примчал управляемый им автомобиль к одной ничем не примечательной забегаловке, расположенной в одном из оживлённых лондонских переулков... Как назло, весь тротуар напротив входа в забегаловку был до отказа забит при-

паркованными повсюду прочими транспортными средствами, не оставляя ни малейшего шанса протиснуться между ними на свободное место.

– Да чёрт бы побрал этот час пик! – только и смог сказать Лодердейл, – Все парковочные места и подьезды заняты – и придётся нам парковаться в соседнем дворе... А вот, кстати, и Баннистер!

От дверей забегаловки прямо к автомобилю Лодердейла уверенной походкой прошёлся моложавый джентльмен делового вида. Похоже, он безошибочно распознал знакомую машину в окружающем транспортном потоке... Лодердейл открыл ему переднюю дверцу. Баннистер просунулся через неё в салон автомобиля и приветственно пожал руки всем его пассажирам.

– Между прочим, двумя кварталами далее парковка почти совсем пуста, – не поспешил на дружеский совет он.

– Там и припаркуемся! – принял решение Лодердейл, – Доддс и Маклуки, вам нет нужды ехать со мной дальше! Заходите в забегаловку и занимайте столик на всех четверых! Я подойду к вам примерно через пять минут...

– За нами дело не станет! – заверил Доддс.

Выбравшись из машины, два прославленных детектива направились в забегаловку вместе с Баннистером – а полубоевой автомобиль покотился по переулку дальше, выискивая свободное местечко для парковки... Зайдя в покосившуюся и облупившуюся дверь, участники предстоящих переговоров оказались в небольшом, невзрачном и неказистом полутёмном помещении. Порядком обшарпанные столики и стулья были беспорядочно расставлены по разным углам. В данный момент свободными оставались лишь два столика, расположенные один рядом с другим возле окна... Что касается других столиков, то все они были заняты чересчур шумной и не слишком культурной публикой. По всему залу стоял беспорядочный галдёж и витал назойливый запах гамбургеров, сосисок, пива и прочих продуктов быстрого питания.

– Ну и местечко! – высказал разочарование Маклуки, – Совсем не таким представляли мы себе место для важных переговоров... Неужели здесь и впрямь возможно хоть о чём-то договориться?

– А почему бы и нет? – проявил неиссякаемый оптимизм Баннистер, – Я уже не один десяток лет провожу в этой забегаловке самые ответственные деловые встречи... Здешняя обстановка сама по себе располагает к откровенности и к поиску компромисса, – выразил убеждённость он; его спутники скептически покачали своими умудрёнными головами, – Не будем считать ворон – займём поскорее свободное место! – он шагнул к самому крайнему столику у окна.

Но не успели все трое рассесться вокруг этого столика, как дверь забегаловки снова со скрипом отворилась, пропуская в себя ещё одного посетителя. Однако это был отнюдь не Лодердейл... На новоприбывшем была надета потёртая кожаная куртка и потёртые кожаные брюки, а на носу висели потёртые чёрные очки. С первых же его шагов по полутёмному залу стало очевидно, что на ногах он держится не слишком твёрдо. Сперва он направился было в противоположный угол зала – но затем какая-то неведомая сила вдруг увлекла его в обратном направлении. Продвигаясь всё в убыстряющемся темпе спиной вперёд, новый посетитель в конечном итоге наткнулся на столик Баннистера и его спутников, сдвинул его в сторону на пару метров и ненавязчиво распластался на его поверхности.

– Привет, ребята! – произнёс он заплетающимся языком, распространяя вокруг себя аромат дешёвого алкоголя, – Уж не меня ли вы дожидаетесь? – с этими словами он сполз со стола на ближайший стул, который Баннистер заранее приготовил для Лодердейла.

– А вы разве не видите, что этот столик уже занят? – попытался призвать его к порядку Доддс.

– Я всё вижу! – подтвердил незванный пришелец, укладывая свою голову прямо в тарелку с салфетками, – Стол уже занят – и занял его я! – и он мгновенно захрапел, словно лежал со всеми удобствами на диване в собственной спальне, а не сидел за столом в публичном месте.

– И мы ещё надеемся успешно провести здесь важные деловые переговоры...! – недовольно высказался Маклуски, глядя на торчащее из тарелки с салфетками ухо непрошеного гостя.

– Этот тип нам тут совсем ни к чему! – поддержал его Доддс, – Он храпит, как стадо слонов; от него за версту разит спиртом; ко всему прочему, он занял стул, на котором должен был сидеть глава нашей делегации... Вести деловые переговоры в подобных условиях не представляется возможным. Наверно, нам стоит позвать администрацию забегаловки и попросить её удалить куда-нибудь этого назойливого субъекта?

– Боюсь, администрация нас не поймёт, – трезво взглянул на ситуацию Баннистер, – Посмотрите вокруг: Половина посетителей забегаловки ведёт себя ничуть не лучше, чем этот тип! Если мы начнём возмущаться, нас точно примут за каких-нибудь склочных дебоширов. И как бы нас тогда самих отсюда не выставили... Пересядем лучше за другой столик – вот и все дела!

Все трое оперативно перетащили свои стулья к соседнему столику (последнему, который ещё не был занят в этом заведении), оставив проспиртованного типа в гордом одиночестве с ухом в тарелке. А тот всё продолжал молодецки похрапывать и распространять вокруг себя алкогольный аромат...

– Ну как же громко он храпит! – выразил недовольство Маклуски, – И как же сильно от него разит...!

– Но вот он отвернул голову и прикрыл рот, – блеснул наблюдательностью Доддс, – Теперь весь запах уходит в другую сторону, а храп значительно ослаб... Пожалуй, сейчас условия для переговоров можно считать вполне сносными, – вынужден был признать он.

– Вот и я вам про то же! – подтвердил Баннистер.

В этот момент в забегаловку зашёл Лодердейл. Заметив своих коллег, он направился к их столику... Уже на самом подходе он вдруг обратил внимание на незнакомца с головой в тарелке и резко остановился. На его лице появилось настороженное выражение. Он с неприкрытым подозрением покосился на затылок и выставленное вверх левое ухо непрошеного соседа... (Правым тот уткнулся в тарелку с салфетками.)

– Не беспокойтесь: Он пьян в стельку и ничего не соображает, – заверил его Баннистер.

Однако бдительного Лодердейла отнюдь не удовлетворило подобное объяснение. Осторожно обойдя соседний столик по полупериметру, он протянул руку и аккуратно снял чёрные очки с носа похрапывающего посетителя.

– Ну вот, я так и знал! – воскликнул глава «Боевого щита», – Хафтон, это – вы?

Посетитель перестал храпеть, поднял голову и ошарашенно уставился на своих соседей по столикам.

– Вот так встреча! – произнёс он вполне трезвым голосом, – Лодердейл, и вы – тоже здесь? Никак не ожидал встретить вас в этой зловонной дыре!

– А теперь потрудитесь объяснить, какого чёрта вы тут делаете? – вскричал Лодердейл, весь кипя от возмущения.

– Уверю вас: Я прибыл сюда по совершенно постороннему делу! – начал оправдываться Хафтон, – Мне и в голову не пришло, что я наткнусь здесь на вас...

– Ну и чудеса! – не смог удержаться от комментария Баннистер, – Он говорит внятно и без заиканий – но от него по-прежнему разит спиртом... Когда же он успел протрезветь?

– А он и не трезвел! – ответил за Хафтона Лодердейл, – Ему этого и не требуется – он всегда трезв, как стёклышко! Перед прибытием в забегаловку он специально прополоскал

себе горло спиртом, чтобы сойти за пьяного... (Между прочим, его хитрости мне давно уже известны.) Хафтон, так с какой целью вы тут всё-таки ошиваетесь?

– Выйдем на улицу – там и поговорим! – предложил внезапно протрезвевший посетитель, резко поднимаясь из-за стола.

– Не хотите говорить при свидетелях? Ну что ж, я вас прекрасно понимаю... – хмыкнул Лодердейл, – Баннистер, будьте добры, подождите ещё минут десять! Сейчас я побеседую с этим типом на улице и сразу вернусь...

– Мы пойдём с вами! – уведомил его Доддс, уже успевший принять стоячее положение.

– Нет-нет, ваши любопытные уши нам совсем ни к чему! – попытался было возразить Хафтон.

– Не волнуйтесь: Мы с Доддсом не имеем ни малейшего отношения к охранному предприятию «Центурион»! – заверил его Маклуски, мгновенно уловив причину беспокойства собеседника.

– Да-да, они оба прибыли со мной из «Боевого щита», – подтвердил Лодердейл.

– Тогда я ничего против них не имею, – согласно кивнул головой Хафтон.

Оставив Баннистера одного за двумя столиками, все четверо оперативно вышли из забегаловки и остановились возле глухой стены соседнего здания.

– Доддс и Маклуски, позвольте представить вам моего давнего знакомого Хафтона из детективного агентства «Пинкертон»! – произнёс Лодердейл, возвращая своему давнему знакомому чёрные очки, – Надеюсь, я ничего не перепутал? Хафтон, вы ещё не поменяли место работы?

– Нет, – ответил тот, убирая уже ненужные очки в нагрудный карман своей кожаной куртки, – Всё жду и не дождусь, когда же наконец этот «Пинкертон» протянет ноги...

– Хафтон, мы очень рады с вами познакомиться, – проявил присущий ему такт Доддс, – Только хотим попросить вас: Пожалуйста, не разевайте рот слишком широко! От вас настолько разит спиртом, что мы опасаемся за нашу противопожарную безопасность...

– Постараюсь учесть, – пообещал Хафтон, почти не разжимая губ, – Похоже, сегодня я немного перестарался, когда полоскал горло... (Но не беда: Ещё час-другой – и пары обязательно выдохнутся!) А теперь я готов открыть перед вами все свои карты: Моё агентство «Пинкертон» дало мне задание проследить за Баннистером. (По счастью, он не знает меня в лицо.) Я должен был выяснить, с кем он встречается и о чём переговаривается... Конечно, мне и в голову не могло прийти, что он ведёт переговоры с вашим «Боевым щитом»! Когда вы подъезжали к забегаловке, ваша машина показалась мне знакомой – но не более того. Лодердейл, вы в тот раз из машины не вылезли, а через боковые стёкла мне вас разглядеть не удалось... Не стану скрывать: Для меня стало большим сюрпризом столкнуться с вами лицом к лицу в присутствии Баннистера!

– Так вы, оказывается, собирались шпионить за фирмой «Центурион»? – Лодердейл неодобрительно покачал головой, – Хафтон, а вам не кажется, что с морально-этической точки зрения ваше поведение никуда не годится?

– Истинная правда! – поддержал его Доддс, – Если бы вы честно и открыто уколошили Баннистера где-нибудь в тёмной подворотне, никто бы вам и слова дурного не сказал. Но шпионить за коллегами по профессии – это, выражаясь языком дипломатов, свинство высшей марки! Если бы Баннистер догадался, какими делами вы занимаетесь в этой забегаловке, он бы имел полное право дать вам в морду при всём честном народе...

– Мне и самому порой бывает неловко за своё поведение, – вздохнул Хафтон, – Но что поделаешь: Работа есть работа! Начальство дало мне задание – вот я его и выполняю...

– Ваши трудности нам хорошо понятны, – заверил Лодердейл, – Поэтому мы не станем выдавать вас Баннистеру... Но только при одном условии: Вы должны раскрыть нам все

подробности задания, которое вы получили от своего «Пинкертона»! – проявил присущее ему профессиональное любопытство он.

– Не стану от вас ничего скрывать! – пообещал Хафтон, – Дело заключается вот в чём: На днях к нам обратился наш постоянный клиент Кеван. (Он всегда обращается к нам, когда попадает в сложную жизненную ситуацию.) Он попросил нас выбить один небольшой должок из одного его знакомого. Мы с радостью ухватились за это дело, поскольку в последнее время мы, мягко говоря, не избалованы вниманием клиентов. Итак, Кеван заключил с нами договор на обслуживание долгов, и мы приступили к работе... Мы начали напрягать знакомого Кевана с целью добиться уплаты требуемой суммы; но этот тип оказался не лыком шит – он обратился за помощью в тот самый «Центурион»... Сперва наши контакты с другой стороной продвигались неплохо. Мы провели несколько раундов переговоров и в целом добились кое-какого прогресса в поисках компромиссного решения. А переговоры со стороны «Центуриона» вёл как раз Баннистер... Но в последние несколько дней у нас начало складываться впечатление, будто «Центурион» намеренно увивает от контактов с нами. Мы заподозрили, что эти хитрые ребята ведут какую-то двойную игру с намерением оставить нас с носом... Поскольку в последнее время я, мягко говоря, не перегружен работой, мне и было поручено проследить за Баннистером, чтобы выяснить, с кем он контактирует и какие новые махинации замышляет. Этим делом я и занимался в этой забегаловке, пока вы меня не рассекретили...

– А какую сумму ваш Кеван хочет выбить из своего знакомого? – не смог не поинтересоваться Маклуски.

– Две тысячи фунтов, – ответил Хафтон.

– Вполне стандартный размер выбиваемой суммы, – кивнул головой Доддс, – А как зовут знакомого Кевана?

– К сожалению, подобная информация является нашей коммерческой тайной, – проявил неожиданную скрытность Хафтон.

– Ваша конспирация не имеет смысла, – усмехнулся Маклуски, – Этого типа зовут Джоэл; не так ли?

– Фантастика! – поразился Хафтон, – Да, это он и есть!

– Вот всё и встало на свои места! – подвёл оптимистический итог Лодердейл, – Ваш Кеван начал наезд на Джоэла, а тот обратился за помощью в «Центурион»; для того, чтобы компенсировать свои затраты на охранные услуги, Джоэл в свою очередь организовал наезд на нашего клиента Сноу... Но давайте проясним последнюю неясность: Насколько правомочны притязания Кевана к Джоэлу? Уверены ли вы, что тот действительно задолжал вашему клиенту две тысячи фунтов?

– Честно говоря, подобной уверенности у нас нет, – не стал кривить душой Хафтон, – Кеван не предъявил нам долговых расписок или иных финансовых документов за подписью Джоэла – но он так красочно расписал нам, какой этот Джоэл неприятный тип, что мы просто не смогли ему отказать. (К тому же, в последнее время клиенты нас не слишком жалуют, и мы рады любому заказу.) Теперь, если нам удастся получить с Джоэла эти две тысячи, Кеван заплатит нам половину от этой суммы – то бишь, тысячу фунтов стерлингов. Отказываться от такого заработка мы ни в коем случае не намерены... К счастью, наше недоразумение с «Центурионом» благополучно разрешилось. Продолжать слежку за Баннистером мне больше необходимости нет, – нашёл повод порадоваться он, – Оказывается, Джоэл начал наезд на какого-то постороннего типа. Если эта затея выгорит, у него появятся средства, чтобы расплатиться с Кеваном... Я от всей души желаю Баннистеру успехов на переговорах с вами! – откровенно заявил он Лодердейлу.

– Тогда возвращайтесь в свой «Пинкертона» и докладывайте начальству о своих успехах! – дружески посоветовал ему тот, – Боюсь, вскоре нам в поисках консенсуса придётся собираться в этой забегаловке уже не двумя, а тремя командами...

Сердечно распрощавшись со своими коллегами, Хафтон стремительно удалился куда-то за угол – а трое посланцев «Боевого щита» повторно зашли в забегаловку и присоединились к Баннистеру, терпеливо дожидавшемуся их возвращения за столиком у окна.

– Не будем ходить вокруг да около! – сразу взял быка за рога Лодердейл, – Баннистер, мы располагаем информацией о том, что некий Кеван при поддержке детективного агентства «Пинкертон» требует с вашего клиента Джоэла две тысячи фунтов стерлингов...

– Не знаю, откуда у вас появилась эта информация – но она полностью соответствует действительности, – не стал отпираться Баннистер, – Да, этот Кеван организовал наезд на Джоэла, а тот обратился к нам за помощью. Мы заключили с ним договор об оказании охранных услуг. Он обязался заплатить нам половину вымогаемой суммы – то есть, тысячу фунтов. Половину из них (то есть, пятьсот фунтов) он уже уплатил в качестве первоначального взноса при заключении договора; вторая половина будет заплачена им при его закрытии. А чтобы компенсировать себе эти затраты, Джоэл инициировал наезд на вашего Сноу... Заметьте: Всю эту кашу заварил отнюдь не наш клиент, а клиент «Пинкертона»! – проявил корпоративный патриотизм он, – Наш клиент начал наезжать на вашего не по своей злой воле, а будучи принуждён к этому в результате наезда со стороны постороннего лица...

– Но почему ваш Джоэл требует со Сноу только две тысячи фунтов? – не понял Доддс, – Если он их получит, ему придётся отстегнуть вам за труды половину этой суммы – а оставшейся половины будет явно недостаточно для удовлетворения требований Кевана... Наверно, ему следовало запросить со Сноу сразу четыре тысячи, – пришёл к неожиданному выводу он.

– Наш Джоэл – прирождённый оптимист, – объяснил Баннистер, – Он всерьёз надеется, что ему удастся и от Кевана отбиться, и из Сноу две тысячи вытрясти. Тогда этих двух тысяч ему как раз хватит, чтобы расплатиться с нами. (Одна тысяча уйдёт нам по договору об обслуживании долгов, а вторая – по договору об оказании охранных услуг.)

– А вам не кажется, что вы пытаетесь слопать сразу два пирога? – возмутился Лодердейл, – Вы хотите оставить с носом нас обоих – и «Пинкертон», и «Боевой щит»? Но не слишком ли много вы о себе возмнили?

– Нет-нет! Наш «Центурион» всегда славился своими умеренными аппетитами, – заверил Баннистер, – Наша позиция такова: Мы готовы удовлетвориться даже одним удачно завершённым делом из этих двух. Если нам удастся отбить наезд со стороны Кевана, мы не станем продолжать наезд на вашего Сноу; аналогично, если нам удастся вытрясти две тысячи из Сноу, мы немедленно прекратим защищать Джоэла от домогательств Кевана. (В обоих этих случаях ранее уплаченная нам Джоэлом по двум договорам тысяча фунтов будет считаться уплаченной им как бы по одному договору – тому, который будет успешно выполнен; а по другому договору Джоэл нам как бы ничего и не платил.) Но с другой стороны, мы категорически не согласны проиграть оба этих дела, – решительно предупредил он, – В этом варианте нам придётся возвращать Джоэлу оба первоначальных взноса – а мы к этому не готовы, поскольку уже успели истратить эту тысячу фунтов на кое-какие посторонние цели... В общем, вот вам наша позиция! А теперь слово – за вами! – он выжидательно посмотрел на главу делегации оппонентов.

– Пока я не готов высказать вам наши встречные предложения, – ответил Лодердейл после непродолжительных, но напряжённых размышлений, – Пожалуй, нам стоит вернуться в «Щит» и пораскинуть мозгами в домашней обстановке... Я обязательно позвоню в «Центурион» сегодня вечером и сообщу, к каким соображениям нам удалось прийти! – пообещал он, поднимаясь из-за столика.

– Вот и славно! – не нашлось возражений у Баннистера.

Несколько минут спустя Лодердейл и его спутники отыскали припаркованный им двумя кварталами далее автомобиль и отправились на нём в обратный путь... В момент их возвращения здание «Боевого щита» было по-прежнему заперто на замок. Это означало, что Стафф и его команда ещё не вернулись с переговоров в банке... Отперев входную дверь, все трое зашли

в здание и направились в большую комнату. Вскоре они снова сидели у стола с телефонным аппаратом... Лодердейл решительно снял с этого аппарата трубку и набрал на нём номер своего нового клиента.

– «Боевой щит»! – представился он, дождавшись ответа с того конца линии, – Сноу, как у вас дела?

– Пока неплохо, – ответил клиент, – Я благополучно добрался до дома. По дороге на меня никто вроде бы не нападал... На всякий случай я обошёл дом кругом, но никаких подозрительных лиц поблизости не заметил...

– Ничего удивительного: «Боевой щит» уже приступил к вашей защите, – обнадёжил его Лодердейл, – Но я бы всё-таки не советовал вам долго разгуливать по улице как бы всем напоказ! Конечно, вам теперь ничто не угрожает – однако и нарываться специально на неприятности вам тоже ни к чему... Итак, мы провели предварительное расследование и получили кое-какие любопытные результаты. Например, мы установили, что вымогание у вас двух тысяч фунтов было заказано неким Джоэлом... Вам знакома эта фамилия?

– Джоэл, Джоэл... – задумался Сноу, – Кажется, я встречался с этим типом пару раз на каких-то тусовках...

– Давайте уточним: Вы абсолютно уверены, что не брали у него в долг эти две тысячи? – поставил вопрос ребром Лодердейл.

– Абсолютно! – без тени сомнений заявил Сноу, – Джоэл – настолько противный тип, что у него и пяти пенсов не выпросишь. К тому же, я вообще никогда ни у кого в долг не просил – мне и своих собственных денег вполне хватает!

– В целом ваши показания подтверждаются, – признал Лодердейл, – По нашим данным, Джоэл не располагает никакими долговыми расписками за вашей подписью... Попутно нам удалось выяснить, что этот Джоэл сам подвергся вымогательству со стороны некого Кевана...

– Кевана я тоже знаю, – припомнил Сноу, – И его я тоже пару раз видел на каких-то презентациях... Вот он-то как раз – парень неплохой! Раз он что-то требует с Джоэла, то наверняка неспроста... К сожалению, я не знаю его адреса и телефона – да и фамилию запомнил совершенно случайно...

– Вот и прекрасно! – произнёс в задумчивости Лодердейл, – Ну, Сноу, будьте здоровы и не унывайте! А «Боевой щит» приступает к дальнейшим мероприятиям по защите ваших интересов...

Положив трубку и отодвинув телефонный аппарат на самый дальний край стола, Лодердейл принял позу мыслителя и основательно поскрёб себе затылок.

– Итак, исходная диспозиция нам известна, – подвёл промежуточный итог он, – Давайте подумаем: А существует ли такое решение проблемы, которое удовлетворило бы сразу всех – и «Центурион», и «Пинкертон», и наш «Боевой щит»?

– Одно решение мы можем подсказать вам сходу, – не замедлил с ответом Доддс, – Почему бы вам не разорвать договор со Сноу, не вернуть ему эти несчастные пятьсот фунтов и не выйти вообще из этой игры?

– Отличное решение! – поддержал его Маклуски, – В самом деле: К чему вам ломать голову над какой-то мудрёной проблемой? Спихните её со своей шеи – и дело с концом! Хорошо, что вы ещё не успели истратить пятьсот фунтов, принятых от Сноу... Теперь вернуть их ему обратно не составит вам труда!

– Подождите-подождите! – прервал его Лодердейл, – Во-первых, с какой стати мы должны отказываться от дележа пирога, на который мы претендуем наравне с «Пинкертоном» и «Центурионом»? Ведь мы ничем не хуже этих двух контор! (Если на то пошло, почему бы им самим не выйти из игры?) Это – во-первых; а во-вторых, с какой стати вы решили, что мы ещё не успели истратить эти пятьсот фунтов?

– А когда ж вы могли успеть? – не понял Доддс, – Насколько нам помнится, сразу по получении денег вы со Стаффом отправились на переговоры, а сами деньги заперли в сейф...

– А вы не догадываетесь, для чего сюда приходил Гриффит? – усмехнулся Лодердейл, – Думаете, его сильно обеспокоила судьба нашего клиента? Чёрта с два: Нашего Гриффита беспокоит лишь набивание собственного кармана! Как только Сноу уплатил нам первоначальный взнос, Гриффит сразу умыкнул половину этой суммы (то есть, двести пятьдесят фунтов) и утащил к себе в Оперативный отдел. (Он появляется в «Щите» только тогда, когда дело пахнет новыми договорами и первоначальными взносами. Гриффит предъявляет претензии на половину наших доходов как якобы внештатный куратор нашей конторы.) В сейф Стафф смог запереть лишь оставшиеся двести пятьдесят фунтов. Так что вернуть Сноу его первоначальный взнос в полном объёме нам теперь будет непросто! Для этого понадобится выбить из Гриффита обратно эти две с половиной сотни – а это абсолютно нереально... В общем, разрыв договора со Сноу по нашей вине грозит нам материальными убытками. Это решение нам ни в коем случае не подходит... Но имеет ли наша проблема другое, более удачное решение?

– Вопрос и в самом деле непрост, – признал Маклуски.

– Попробуем представить наглядно, что мы имеем на данный момент! – Лодердейл вытащил из ящика стола большой бумажный лист и карандаш, – Итак, у нас есть Кеван, Джоэл и Сноу, – (он нарисовал на листе три схематичные человеческие фигурки и для пущей верности даже пометил их буквами К, Дж и С; так уж вышло, что все три фигурки оказались на одинаковом расстоянии друг от друга, как бы обозначая собой вершины воображаемого равносоставленного треугольника), – Кеван требует две тысячи фунтов стерлингов у Джоэла, а тот – столько же у Сноу, – (Лодердейл провёл две линии со стрелочками на конце: одну – от К к Дж, другую – от Дж к С; над обеими линиями он сделал одинаковую надпись: «2000 ф. ст.»), – Вот такова текущая ситуация... А теперь давайте подумаем: Есть ли решение у нашей проблемы?

Два прославленных детектива с двух разных сторон склонились над столом, разглядывая нарисованный Лодердейлом чертёж. В воздухе повисла напряжённая задумчивая тишина...

– Рассмотрим первый вариант, – прервал её Лодердейл минуту спустя, – Допустим, нам удастся отбить наезд Джоэла на Сноу, а «Центурион» отобьёт наезд Кевана на Джоэла. В этом варианте Сноу заплатит нам оставшиеся пятьсот фунтов, и мы расстанемся с ним добрыми друзьями; «Центурион» тоже получит от Джоэла вторые полтысячи. В итоге мы получаем вариант, устраивающий и нас, и «Центурион»...

– А вот «Пинкертоном» при этом останется в накладе, – обратил внимание Доддс.

– Да, верно, – не без досады признал Лодердейл, – Боюсь, они встретят в штыки подобный план... Тогда рассмотрим другой: «Пинкертоном» удалось вытрясти две тысячи из Джоэла, а «Центуриону» – ту же сумму из Сноу. В итоге «Пинкертоном» и «Центурион» остаются довольны выше крыши...

– Но этот вариант вряд ли устроит «Боевой щит», – не замедлил со своей ложкой дёгтя Маклуски.

– Вы правы: Это никуда не годится! – согласился Лодердейл, – Тогда идём дальше: Допустим, мы отбиваем наезд на Сноу, а «Пинкертоном» выколачивает две тысячи из Джоэла. В этом варианте довольны мы с «Пинкертоном» – а вот «Центурион»... Нет, этот план они наверняка отвергнут! (Баннистер предупредил, что его контора согласна уступить лишь в одном из дел, но не в обоих одновременно.) Тогда предположим, что «Центурион» отбил наезд на Джоэла и заодно вытряс деньги из Сноу... Этот вариант как пить дать «Центуриону» понравится – но он не придётся по душе ни нам, ни «Пинкертоном»... Значит, к чёрту этот вариант! Попробуем рассмотреть другой...

– Варианты закончились! – поставил его в известность Доддс, – В данной системе мы рассматриваем два процесса вымогательства, каждый из которых может закончиться двояко – либо удачно, либо неудачно. Итого, в соответствии с законами комбинаторики, в этой системе

могут произойти лишь четыре варианта развития событий. Все четыре вы только что подробно изучили... Ну а других вариантов мы даже при всём старании придумать не сможем, – развёл руками он.

– Не может быть! – не смог поверить Лодердейл, – Послушайте, перестаньте разводить уныние и сеять пессимизм! Ну неужели мы с вами не сумеем отыскать выход из банальной житейской ситуации? – воскликнул он в запальчивости.

Два прославленных детектива обменялись друг с другом весьма многозначительно-вопросительным взглядом.

– Как ни странно, ваш оптимизм начинает понемногу заражать и нас, – признал Маклуски, – Теперь и нам тоже кажется, что искомое решение находится где-то совсем рядом...

– Ещё один небольшой мозговой штурм – и мы обязательно его найдём! – выразил уверенность Доддс, – Тогда срочно за работу!

И все трое снова склонились над чертежом Лодердейла. В напряжённых размышлениях прошло ещё несколько томительных минут... Но вот наконец Доддс и Маклуски подняли головы от чертежа и ещё раз многозначительно переглянулись между собой.

– По-моему, это – просто гениальное решение! – глубокомысленно высказался Маклуски.

– Лодердейл, дайте скорей карандаш! – воскликнул Доддс.

Вырвав карандаш из пальцев опешившего Лодердейла, Доддс дрожащей от волнения рукой дорисовал на бумажном листке ещё одну линию со стрелочкой на конце – от точки С до точки К (как бы замыкая периметр равностороннего треугольника) – и сделал над ней всё ту же надпись: «2000 ф. ст.»

– Настоящий шедевр стратегической мысли! – не поспешил на громкие слова Маклуски, – Вот теперь рисунок выглядит полностью законченным и предельно сбалансированным... А ведь ещё какой-то древний философ утверждал: Всё гениальное должно быть просто, красиво и смешно!

– Я что-то не пойму, в чём смысл вашего дополнения к моему чертежу! – выразил недоумение Лодердейл, – Для чего вы соединили Сноу и Кевана стрелочкой, да ещё написали над ней «2000 ф. ст.»?

– Мы предположили, – объяснил Доддс, – что ваш клиент Сноу организовал с вашей помощью наезд на Кевана, добиваясь от того уплаты двух тысяч фунтов стерлингов – ну а Кеван, дабы отбиться от этого наезда, обратился за помощью в детективное агентство «Пинкертон» (как он всегда поступает, когда попадает в сложные житейские ситуации). Естественно, за работу по защите своего клиента «Пинкертон» получит с него половину вымогаемой суммы – то есть, одну тысячу фунтов...

– Но с какой стати Сноу станет выбивать две тысячи из какого-то Кевана? – не понял Лодердейл, – Сноу недавно сказал, что у него и своих денег хватает!

– Этот процесс вымогательства необходим для окончательной гармонизации системы взаимоотношений между тремя персонажами нашей истории, – пояснил Доддс, указывая на чертёж, – В старом варианте из этой троицы один (Кеван) только вымогал деньги; другой (Сноу) только подвергался вымогательству – и лишь третий (Джозэл) был задействован в обоих этих процессах. Теперь же, когда мы добавили в систему ещё один элемент, все три персонажа в равной степени являются и вымогателями, и жертвами вымогательства со стороны других персонажей – причём размер вымогаемой суммы во всех трёх случаях одинаков и составляет две тысячи фунтов стерлингов. Таким образом, общий баланс каждого из троих персонажей окажется равным нулю...

– Подобными подсчётами любят заниматься экономисты всевозможных коммерческих банков, – заметил к слову Маклуски, – Но у них, разумеется, речь идёт о суммах не вымогаемых, а об отданных или взятых в кредит. (На финансовом жаргоне это называется соответственно размещением и привлечением капитала.)

– Совершенно верно! – подтвердил Доддс, – А теперь представим, что три каких-то банка имеют друг с другом нулевой баланс – то есть, проще говоря, должны один другому одну и ту же сумму... Как они поступят в этой ситуации? Скорее всего, проведут между собой взаиморасчёт – то бишь, спишут друг другу все долги... В аналогичной ситуации окажутся и наши три персонажа, когда Сноу начнёт вымогать две тысячи фунтов у Кевана, – Доддс ткнул кончиком карандаша в схему взаимоотношений Кевана, Джоэла и Сноу, – Каким образом может быть распутан клубок их взаимных претензий? Вариант первый: Джоэл платит две тысячи фунтов Кевану, Сноу – столько же Джоэлу, а Кеван – столько же Сноу. В этом случае все три клиента остаются при своих деньгах, а «Пинкертон», «Центурион» и «Боевой щит» получают с них по одной тысяче фунтов за успешное обслуживание долгов... Но возможен и другой вариант: Все три конторы благополучно отбивают наезды на своих клиентов со стороны чужих контор. В этом случае клиенты также остаются при своих, а все три конторы получают с них по той же тысяче фунтов за успешное отражение наезда... Второй вариант представляется нам более предпочтительным, поскольку здесь не потребуется организовывать целых три процесса передачи денег, – подытожил он, – Именно его мы и предлагаем вам принять за основу... Лодердейл, вы желаете что-то возразить?

– Ваш план выглядит довольно привлекательно, – признал глава «Боевого щита», внимательно изучив чертёж, – Действительно, в результате всех этих махинаций «Боевой щит», «Центурион» и «Пинкертон» остаются в выигрыше... Но будут ли довольны наши клиенты? В конечном итоге все трое не добьются ничего полезного и лишь напрасно потратят по тысяче фунтов на охранные услуги...

– Как это «напрасно»? – возразил Маклуски, – В конечном итоге им удастся отбить наезд вымогателей и обезопасить свою жизнь от посторонних посягательств – а за это вполне стоит заплатить и по тысяче фунтов!

– Пожалуй, вы правы, – согласился Лодердейл, – Но вправе ли Сноу требовать с Кевана какие-то две тысячи? Ведь Кеван вроде бы не брал у него в долг...

– Вам совершенно не о чем волноваться! – заверил его Доддс, – У Кевана и Джоэла тоже отсутствовали долговые расписки соответственно Джоэла и Сноу – но это не помешало «Пинкертону» и «Центуриону» заключить с ними договора об обслуживании долгов...

– Тоже верно! – подтвердил убеждённый Лодердейл, – Тогда дело осталось за малым – убедить Сноу начать наезд на Кевана. Только вот удастся ли нам его убедить? – задумался он, – Ведь Сноу вполне доброжелательно высказывался об этом Кеване...

– А почему бы «Боевому щиту» не начать действовать самостоятельно, не испрашивая согласия своего клиента? – подкинул неплохую идею Маклуски.

– В самом деле: Почему бы и нет? – не стал спорить Лодердейл, – Ради защиты интересов своего клиента охранное предприятие вправе прибегнуть к кое-каким силовым действиям как бы от его (клиента) лица – и даже без его ведома... Но как мы сможем организовать наезд на этого Кевана? – снова призадумался он, – Ведь мы не знаем ни его адреса, ни домашнего телефона...

– И то, и другое вам охотно подскажут в детективном агентстве «Пинкертон», – усмехнулся Доддс, – Ведь Кеван как-никак является их постоянным клиентом... Лодердейл, вы же собирались созвониться сегодня с этим «Пинкертоном»; не так ли? Сделайте это прямо сейчас и изложите «Пинкертону» ваш план! Мне почему-то кажется, что они оценят его по достоинству...

– Так и поступим! – Лодердейл решительно пододвинул к себе телефон и снял с него трубку, – Не стану скрывать: Ваш план с каждой минутой нравится мне всё больше и больше!

– Ну а мы пока проведём наш плановый перекур на улице возле входа, – уведомил его Доддс, поднимаясь со стула и нащупывая в кармане свои верные курительные принадлежности.

Минуту спустя два прославленных детектива уже раскуривали свои знаменитые большие трубки, стоя под пасмурным мартовским небом возле входной двери «Боевого щита».

– Боюсь, сегодня нам уже не удастся выехать в Пантинктон, – высказал опасение Маклуски, выпуская изо рта первое табачное колечко.

– Не беда! Перенесём наш выезд на завтра, – не нашёл поводов для беспокойства Доддс, – К счастью, ничего интересного в этом Пантинктоне пока не происходит, и нашего срочного присутствия там пока не требуется.

– Вы правы: Обычно всё самое интересное начинается как раз с нашим приездом, – согласился Маклуски.

Перекур уже подходил к своему логическому завершению, когда из здания «Щита» твёрдой уверенной походкой вышел Лодердейл с выражением честно исполненного служебного долга на усталом лице.

– Я переговорил с «Пинкертоном», – доложил он, – Наш план в целом их заинтересовал, и они готовы оказать нам любое посильное содействие в его реализации. Они пообещали в течение получаса составить текст угрожающего послания против Кевана и передать нам его по телефону вместе со всеми его (Кевана) координатами. Нам осталось лишь дожидаться возвращения Стаффа со всей его командой... Угрожающий текст будет зачитывать Кевану по телефону наш Раш. (Его голос как нельзя лучше подходит для такого дела.) Будем надеяться, что уже завтра утром Кеван помчится в «Пинкертон» заключать очередной договор об оказании охранных услуг...

– Вот и славно! – подвёл оптимистический итог Доддс, убирая в карман свою давно погасшую трубку, – Через пару недель мы вернёмся из Пантинктона и обязательно забежим к вам узнать, каким финалом завершилась эта история... Между прочим, когда я учился в младших классах школы у нас в Шотландии, – углубился в ностальгические воспоминания он, – наш учитель геометрии не раз повторял нам, своим ученикам: «Для правильного решения задачи необходимо сперва правильно нарисовать чертёж...»

– Ценное замечание! – признал Лодердейл, – Решено: Когда нас со Стаффом в следующий раз позовут укладывать кого-то мордой в пол, мы обязательно возьмём линейку с рейс-федером и начнём рисовать на листе ватмана правильный чертёж в трёх проекциях!

CLXXII. Повторное убийство

– Пожалуй, нам пора собираться в дорогу и двигаться на вокзал, – произнёс Маклуски.

– Полностью с вами согласен, – ответил Доддс, – Мы уже почти готовы к отправлению. Осталось лишь упаковать в саквояжи наши раскладушки...

Два прославленных детектива лондонской Центральной полиции, Доддс и Маклуски, сидели один напротив другого на двух раскладушках. Дело происходило в их собственной комнате на втором этаже общежития их родной конторы; возле стены на полу стояли наготове их знаменитые большие саквояжи. Казалось, уже ничто не сможет помешать двум мастерам сыска и розыска отправиться в очередную командировочную поездку... Впрочем, их полные служебного рвения слова почему-то резко контрастировали с их же постными лицами, начисто лишёнными какого-либо творческого энтузиазма.

– Я бы сказал, что затягивать далее с отъездом нам недопустимо, – развил свою мысль Маклуски, – Если мы ещё немного промедлим, то не успеем попасть в Пантинктон до наступления темноты...

– Более того: Дальнейшие задержки с нашей стороны могут привести к весьма неприятным последствиям, – поддержал коллегу Доддс, – Чего доброго, начальство пронюхает, что мы ещё торчим в общежитии – и как бы оно не направило нас вместо командировки на какие-либо трудоёмкие работы куда-нибудь в антенный корпус!

– Типун вам на язык! – вскричал в возмущении Маклуски, – Какие ещё трудоёмкие работы? Вам бы только сидеть да накаркивать нам очередные неприятности!

– Нет-нет, я упомянул антенный корпус лишь в качестве умозрительного примера! – признал свой промах Доддс, – Конечно, ни на какие трудоёмкие работы нас никто не пошлёт... Начальство уже давно забыло о нашем существовании и отправило таскать утяжелённые блоки других сотрудников. Все в Центральной полиции уверены, что мы уже давно выехали в Пантинктон. Никому и в голову не придёт искать нас здесь, в общежитии... Вот, убедитесь: В коридоре за дверью абсолютно тихо!

Детективы невольно замолчали и прислушались к звукам, доносящимся из коридора. По первому впечатлению, с той стороны двери действительно царила полная тишина... Впрочем, несколько секунд спустя её сменили чьи-то осторожные шаги.

– Кого там ещё занесло в наш коридор? – удивился Маклуски, – Надеюсь, этот тип явился не по нашу душу?

– Разумеется, нет, – выразил уверенность Доддс, – Возможно, он забрёл на второй этаж по ошибке. Он и сам не знает, что ему здесь нужно... Вот, послушайте: Он в растерянности слоняется где-то на том конце коридора!

– Но вот его шаги вроде бы приближаются к нам, – высказал опасение Маклуски, – А ко мне начинают подкрадываться недобрые предчувствия...

Тем временем загадочные шаги подошли совсем близко и остановились непосредственно у двери комнаты Доддса и Маклуски. Прославленные детективы невольно затаили дыхание... И тут в напряжённой тишине гулко и зловеще прозвучали три коротких, но в меру настойчивых стука в дверь.

– Ну вот вы и докаркались, Доддс! – воскликнул в сердцах Маклуски, – Я так и знал: Сейчас нас как пить дать отправят в антенный зал таскать утяжелённые блоки!

– А вот давайте не будем раньше времени впадать в панику! – проявил остатки оптимизма Доддс, – Возможно, этот тип просто ошибся дверью – или же он ищет нас по совершенно невинному поводу... Ну-ка узнайте у него, кто он такой!

– Кто там? – крикнул Маклуски в сторону двери.

– Это – я, – донёсся из коридора вполне ожидаемый ответ.

Детективы поднялись с раскладушек, подошли к двери и в задумчивости остановились перед ней, напряжённо размышляя над создавшейся ситуацией.

– Голос показался мне знакомым, – осторожно заметил Доддс.

– Мне тоже, – подтвердил Маклуски, – Судя по всему, мы с этим типом где-то уже встречались... А как ваша фамилия? – поинтересовался он у невидимого собеседника из коридора.

– Ротмилл, – коротко сообщил тот.

– Ах, вот оно что! – с облегчением вздохнул Маклуски, – Это – всего-навсего следователь Ротмилл из уголовной полиции... Я бы сказал, что он – далеко не самый худший из гостей!

Наконец, гостеприимные хозяева отперли дверь, и в комнату зашёл следователь Ротмилл. Он был в полном служебном облачении, а на его правом плече висела большая спортивная сумка. Вид у него был решительный и многообещающий... Детективы из Центральной полиции обменялись с гостем тёплыми дружескими рукопожатиями и радушно предложили ему усаживаться на одну из своих раскладушек. Поскольку Ротмилл выбрал ту, на которой до этого сидел Маклуски, тому пришлось пересаживаться на подоконник, а Доддс занял своё прежнее место на другой раскладушке.

– Как удачно я застал вас на месте! – похвалил сам себя Ротмилл, снимая с плеча и ставя на пол свою большую спортивную сумку, – Шёл я сейчас мимо вашего общежития и вдруг подумал: А почему бы мне не забежать к Доддсу и Маклуски?

– Вы даже не представляете, как сильно вам повезло! – заметил Доддс, – В рабочее время мы можем оказаться в своей комнате разве что в силу чрезвычайного стечения обстоятельств. Но именно такое стечение сегодня и произошло!

– Более того: Если бы вы заглянули к нам на несколько минут позже, мы бы уже наверняка успели отсюда слинять, – добавил Маклуски, – Ну, мы вас внимательно слушаем! Какими новостями вы нас нынче обрадуете?

– Я пришёл к вам по делу, которое наверняка вас заинтересует, – выразил надежду Ротмилл, копошась в своей сумке, – Оно связано с убийством нотариуса Геллибранда... Кстати, вы ещё не забыли эту историю?

– Такие истории так быстро не забываются, – заверил его Доддс, – Мы отлично помним, как расследовали это убийство вместе с вами недели три назад... Но неужели в этом деле появились какие-либо новые подвижки?

– Новыми подвижками пока похвастаться не могу, – честно признал Ротмилл, – Следствие идёт своим чередом. Материалы накапливаются, отчёты составляются, свидетели дают показания, подозреваемый отпирается – в общем, обычная бюрократическая рутина. Но я к вам, собственно, не за этим пришёл... Цель моего прихода – вот в этом! – он наконец вытащил из сумки небольшой транзисторный приёмник и бережно поставил его на пол возле своих ног.

– Ну вы нас и озадачили! – не смог сдержать удивления Маклуски, – При чём здесь этот транзистор? Наверно, вы ударились в коммерцию и занялись перепродажей приёмников, как некогда наш коллега Гриффит из Оперативного отдела?

– Нет, в коммерцию я не ударялся, – опроверг Ротмилл, поднимая и выдвигая на полную длину антенну транзистора, – Всё гораздо проще: Сегодня утром, когда я сидел в своём кабинете и настраивался на предстоящую работу, я ненароком включил радиоточку у себя на столе. Чисто машинально я пощёлкал переключателем программ и совершенно случайно остановился на одной из радиостанций. И вдруг я слышу оттуда анонс: В такое-то время на эту радиостанцию должен прийти один известный писатель и зачитать в прямом эфире свой новый детективный рассказ... Услышав название этого рассказа, я едва не сполз под стол от изумления. А назывался он «Убийство нотариуса Геллибранда»!

– Вот это номер! – воскликнул ошарашенный Доддс.

– Да, неожиданный поворот! – произнёс порядком озадаченный Маклуски.

– Забавно; не правда ли? – продолжал Ротмилл, – Геллибранд – фамилия исключительно редкая. Сложно поверить, что у того нотариуса, чьё убийство мы расследовали, вдруг оказался однофамилец, да ещё тоже нотариус. Скорее всего, речь в этом рассказе пойдёт всё о том же Геллибранде, застреленном первого марта сего года в своей нотариальной конторе...

– Но вдруг нотариальное дело было своего рода семейным бизнесом для покойного Геллибранда и его близких родственников? – высказал предположение Доддс, – В этом случае у нашего нотариуса вполне мог оказаться сын, дядя или племянник, носящий ту же самую фамилию – а этого дядю или племянника тоже могли угрохать какие-нибудь злобные коварные враги...

– К слову, у нашего Геллибранда никаких близких родственников выявить не удалось, – уточнил Ротмилл, – Но я скажу вам больше: В анонсе по радио было сказано, что рассказ написан по мотивам недавно произошедших реальных событий... Услышав это, я отмёл последние сомнения. Не может такого быть, чтобы на свете существовали сразу два нотариуса Геллибранда, убитых примерно в одно и то же время! Очевидно, героем рассказа является именно наш Геллибранд... И тогда я подумал: «Как любопытно! Мы тут выбиваемся из сил, разыскивая по крупицам сведения о нашем убитом нотариусе – а какой-то детективный писатель уже насобирает этих сведений столько, что успел сочинить целый рассказ? Пожалуй, не мешало бы мне послушать его чтение в прямом эфире. Вдруг там прозвучит какая-либо важная, ещё не известная мне информация?» В общем, запомнил я время начала нужной передачи и твёрдо решил её не пропустить... Но работа есть работа – буквально через пять минут начальство позвонило мне в кабинет и срочно направило на очередное оперативное мероприятие за пределами нашего отделения полиции. К счастью, в обед я успел забежать домой и прихватить с собой транзистор – и теперь я смогу послушать рассказ, даже не возвращаясь на рабочее место... В данный момент в нашем оперативном мероприятии наметился небольшой перерыв. Я как раз брёл по вашей улице и размышлял, куда бы мне приткнуться со своим транзистором... Тут я вспомнил про вас и сразу сообразил: Доддс и Маклуски с радостью примут меня в своём общежитии и с удовольствием послушают этот рассказ вместе со мной! Надеюсь, я не ошибся?

– Нет, не ошиблись, – подтвердил Маклуски, – Вы заинтриговали нас до предела! Теперь мы и сами не успокоимся, пока не услышим этот рассказ...

– Кстати, вы запомнили фамилию его автора? – поинтересовался у Ротмилла Доддс.

– Как раз его фамилию особо редкой назвать нельзя, – ответил следователь уголовной полиции, – Но, признаюсь честно, о детективном писателе с такой фамилией я сегодня услышал впервые... А зовут его просто – Браун!

– Чёрт возьми! – в один голос воскликнули Доддс и Маклуски.

– Что такое? – удивился Ротмилл, – Вам знаком этот писатель?

– Да, знаком, – скрепя сердце признал Маклуски, – Правда, не с самой лучшей стороны...

– Вот видите, как всё удачно получается! – обрадовался Ротмилл, – Значит, ваш знакомый сейчас прочитает в прямом эфире свой новый детективный рассказ – а в случае необходимости вы потом сможете разыскать этого типа и задать ему кое-какие уточняющие вопросы... Да, нам уже пора включать транзистор! – всполошился он, поглядев на свои наручные часы, – Передача начнётся буквально с минуты на минуту, – сообщил он, щёлкая кнопкой включения и крутя ручку настройки, – А вести её будет журналист по фамилии Хогарт...

– И этот тип нам тоже знаком, – не очень весело признал Доддс.

– Ротмилл, мы должны заранее предупредить вас об одном деликатном моменте! – поспешил вмешаться Маклуски, – Этот писатель Браун, пользуясь знакомством с нами, решил использовать наши с Доддсом фамилии для некоторых своих персонажей... Так что, пожалуйста, не удивляйтесь, если услышите в его рассказе упоминание о сержантах полиции Маклуски и Доддсе!

– Как это понимать? – не понял Ротмилл, – Значит, это вы разболтали вашему приятелю Брауну подробности убийства Геллибранда?

– Нет-нет, мы оба строго соблюдали тайну следствия! – заверил Доддс, – От нас Браун не услышал ни слова про это убийство... Впрочем, он и не нуждается в точных фактах для написания своих опусов. Незнание тех или иных подробностей он легко восполняет при помощи собственной буйной фантазии...

– Но мне всё-таки кажется, – выразил надежду Ротмилл, склонившись над транзистором, – что известный детективный писатель вряд ли станет зачитывать в прямом эфире популярной радиостанции откровенную ахинею...

– А вот у нас подобной уверенности нет, – проявил присущий ему скептицизм Маклуски.

– Всё, прекращаем разговоры! – воскликнул Ротмилл, подкручивая ручку громкости на транзисторе и снова ставя его на пол у своих ног, – Передача уже началась! Слушаем внимательно и мотаем себе на ус!

– Мы рады приветствовать в нашей студии знаменитого на весь мир писателя Брауна! – раздался из транзистора хорошо знакомый Доддсу и Маклуски голос радиожурналиста Хогарта, – Поклонники его творчества проявляют огромный интерес ко всему, что связано с их любимым писателем и его героями. Наша радиостанция буквально завалена письмами с разных концов света от наших настойчивых слушателей, которые просят задать мистеру Брауну те или иные вопросы, а заодно спешат поделиться своими впечатлениями от его произведений. Сегодня, после утреннего анонса, наш редакционный телефон вообще раскалился докрасна и едва не превратился в уголёк... Пользуясь случаем, я спешу зачитать в эфире стихотворное посвящение нашему сегодняшнему гостю, присланное недавно по почте одним из его благодарных почитателей...

– Буду весьма польщён! – послышался из эфира ещё один знакомый голос, принадлежащий писателю Брауну.

– Итак, слушайте! – объявил Хогарт, – Стихотворение называется так: «Славословия в честь бессмертного Шерлока Холмса, персонажа гениального сэра Артура Конан Дойла, которые произвольно сложились у автора в тот момент, когда он пил свой утренний кофе и читал очередной детективный рассказ Брауна – между прочим, весьма неплохого писателя». (На мой взгляд, название выглядит оригинально и неизбито.) А вот и сам стих: «Сидя с чашкой кофе недопитой,/ Брауна рассказ читая этот,/ я припомнил вдруг полузабытый/ знаменитый дедуктивный метод.../ Только тем этот метод подвластен,/ кто способен на тонкий анализ./ Недоступен умам он бесстрастным,/ что в полиции нашей собрались./ Лишь один человек на планете/ – тот, кто носит прозвание Философ/ – одолел все премудрости эти/ и ответил на кучу вопросов./ Если где-то случилась тревога/ и зывают о помощи где-то,/ наш Философ спешит на подмогу,/ прихватив дедуктивный свой метод./ Сокрушая любые препоны,/ проявляя напор и решимость,/ он добьётся главенства закона,/ восстановит везде справедливость./ Отстранённый от мыслей досужих,/ на пустую толпу непохожий,/ он в людские вторгается души.../ Кстати, Холмс был примерно такой же!»

– Спасибо моим дорогим читателям за добрые слова! – засмеялся Браун, – Могу их заверить: Мой главный герой приложит все усилия, дабы и впредь соответствовать тем лестным характеристикам, которыми он был награждён в данном стихотворении!

– А вот мне этот стих показался каким-то безнадежно монотонным, – поделился впечатлением Доддс, – Не исключено, что его по заданию радиостанции сочинила какая-то электронно-вычислительная машина...

– Но прежде, чем наш гость приступит к чтению своего нового рассказа, – продолжал доноситься из транзистора голос Хогарта, – я бы хотел обратиться к нему с вопросом, который чаще всего задают нам слушатели: «А кто вообще такой нотариус Геллибранд?» К этому

вопросу охотно присоединяются и сотрудники нашей радиостанции... Итак, мистер Браун, мы просим вас удовлетворить наше любопытство!

– О Геллибранде я готов рассуждать часами, если не годами! – с горячностью ответил детективный писатель, – За последние пару недель он стал моим любимым персонажем, своего рода эталоном высокого профессионализма и глубокой порядочности, таким рыцарем без страха и упрёка в наш безжалостный расчётливый век... Его убийство широко освещалось во многих газетах. Несомненно, ваши слушатели должны быть знакомы со всеми его подробностями. Но меня, как представителя культурной общественности, больше всего поразили небывалый трагизм и драматизм этого преступления... Вы только представьте: В своём рабочем кабинете, при таинственных обстоятельствах, за закрытыми дверями и занавешенными окнами, погибает один из самых известных и уважаемых нотариусов. В этом деле до сих пор нет ни одного свидетеля и ни одного подозреваемого; не обнаружен даже пистолет, из которого был совершён роковой выстрел. Полиция утверждает, что всё ещё не может напасть на след таинственного убийцы... Ужасно; не правда ли? Мне невольно подумалось: При тех допотопных методах ведения расследования, которые использует наш доблестный Скотланд-Ярд, это преступление не сможет быть раскрыто и за триста лет... А ведь наше общество располагает богатейшим культурным наследием, к которому относится и знаменитый дедуктивный метод! Между тем, наши твердолобые полицейские умы почему-то легкомысленно отвергают этот метод в своей работе... Осознав это, я твёрдо решил: Я обязан вмешаться и оказать своим интеллектом влияние на ход расследования убийства нотариуса Геллибранда! Конечно, я не тешу себя надеждами, что наши упёртые полицейские власти в один момент преобразятся и поголовно освоят метод научной дедукции. Мои усилия направлены прежде всего на те слои культурной общественности, которые своим огромным авторитетом смогут оказать давление на наши доблестные власти с целью вывести расследование на правильные рельсы. Мне бы очень не хотелось, чтобы очередное громкое убийство осталось нераскрытым по вине наших неповоротливых правоохранительных органов... А ещё я бы хотел заметить...

– К сожалению, у нас не так много эфирного времени! – прервал монолог чересчур разболтавшегося писателя Хогарт, – Нам пора приступать к главному: чтению нового рассказа мистера Брауна «Убийство нотариуса Геллибранда»! Наш гость уже занимает место у микрофона – ну а мы как раз успеем удалиться на небольшую рекламную паузу...

Пока из транзистора доносились чьи-то восторженные отзывы о каких-то таблетках и шампунях, Ротмилл не преминул поделиться с коллегами первыми впечатлениями:

– Я что-то не пойму: Почему этот тип сказал, что орудие преступления до сих пор не найдено? Как мне помнится, мы обнаружили этот пистолет прямо на столе у Геллибранда... И почему этот Браун с таким апломбом утверждает, будто в нашем деле якобы нет ни одного свидетеля и подозреваемого?

– Поберегите ваше удивление до лучших времён! – дал ему дружеский совет Маклуски, – Когда Браун начнёт читать свой рассказ, нам ещё не раз придётся хвататься за головы...

– ...а заодно и за животы, – дополнил коллегу Доддс.

Но вот рекламная пауза наконец завершилась, и в эфире снова раздался голос Брауна:

– Итак, вот он, мой новый рассказ! Он появился на свет совсем недавно, буквально пару дней назад. Ещё вчера, готовясь к сегодняшнему эфиру, я ещё раз просмотрел текст и внёс в него последние дополнения. Смею надеяться, что мои скромные труды...

– Время, мистер Браун! – воскликнул нетерпеливый Хогарт, – Скорее приступайте к чтению!

– «Убийство нотариуса Геллибранда», – ещё раз объявил Браун, – «На улице стояло чудесное солнечное утро. На одной из причудливых старинных скамеек в одном милом уютном лондонском дворике сидел одинокий мужчина средних лет и как бы от скуки листал свежую утреннюю газету... Впрочем, внимательный наблюдатель наверняка бы отметил, что этот

человек отнюдь не похож на обычного праздного обывателя. Острый взгляд его пронизательных, слегка прищуренных и немного ироничных глаз, наполненный глубоким интеллектом, зорко скользил по газетным страницам, оставляя без внимания те статьи, которые могли привлечь лишь досужих зевак, и выискивая те материалы, которые могли дать пищу более развитым умам... Перевернув очередную страницу, он внезапно застыл на месте, устремив взор на большую фотографию в траурной рамочке. Затем, уронив газету на скамейку, он скорбно вздохнул и произнёс голосом, полным отчаяния: „Увы! Именно этого я и опасался... Случилось то, что я уже давно предвидел. Вот напечатано чёрным по белому: „Вчера в своём рабочем кабинете при таинственных обстоятельствах застрелен известный лондонский нотариус Геллибранд“. А ведь я же предупреждал его об опасности! О, если бы я мог повернуть время вспять и вернуться во вчерашний день! Возможно, я бы ещё успел вмешаться и предотвратить катастрофу... Но сейчас не время для бесплодных стенаний!“ – он с решительным видом поднялся со скамейки, – „Роковой выстрел уже прозвучал. Но мне ещё по силам восстановить справедливость и разоблачить убийцу! Я обязан в этот скорбный день побывать на месте трагедии! В этом теперь состоит мой главный моральный долг... Итак, скорее в нотариальную контору!“ Оставив газету на скамейке, человек как безумный помчался по притихшим лондонским улицам и переулкам... Вскоре он уже стоял перед дверью небольшого, но со вкусом построенного дома. Глазами, полными боли, он посмотрел на мраморную табличку возле входа, так хорошо ему знакомую. В иные дни её большие буквы казались ему то задорными, то лукавыми, то серьёзными, то задумчивыми – в то же утро ему почудилось, будто они плачут от горя. Надпись „Нотариус Геллибранд“ была вся увита чёрными ленточками, а асфальт под ней усеян чёрными и красными цветами...»

– Какая ещё мраморная табличка? – машинально вырвался риторический вопрос у Ротмилла.

– «Произнеся со вздохом: „Эх, Геллибранд, как же ты был неосторожен!“, человек рванул на себя входную дверь и вбежал в нотариальную контору. Промчавшись по пустому коридору, он ворвался в главный кабинет, с которым у него было связано столько воспоминаний... В тот день кабинет покойного нотариуса представлял собой зрелище, достойное сострадания даже самого бесчувственного наблюдателя. Посреди комнаты стоял высокий представительный джентльмен средних лет, одетый в строгий безукоризненно чёрный костюм, и своим ослепительно белым платком утирал скупые слёзы, сплошным потоком струившиеся из глаз. Это был помощник покойного Геллибранда, младший нотариус Уиллиброрд...»

– Что за идиотская фамилия? – не смог удержаться от очередной реплики Ротмилл, – Первый раз слышу, что у Геллибранда якобы был какой-то помощник!

– «Помимо него в кабинете находились ещё трое персонажей, также прекрасно известных вошедшему», – продолжал читать Браун, – «Одним из них был инспектор полиции Лич – слегка толстоватый и лысоватый тип с бессмысленным выражением на лице. Он методично утирал слёзы своим служебным платочком, на котором была старательно вышита надпись „Полиция“. Вокруг инспектора сгрудились его подчинённые – два сержанта Доддс и Маклуски. Они тоже рыдали во всё горло и по примеру начальника вытирали лица платками. У великана Доддса платок оказался размером едва ли не с квадратный ярд – а коротышка Маклуски обошёлся крохотным клочком материи в один квадратный дюйм».

– Ну кому интересны эти утомительные подробности? – не выдержал Маклуски.

– «Заметив гостя, Уиллиброрд воскликнул: „Дорогой Философ, это – вы? В какой печальный день нам пришлось с вами встретиться! Увы, нашего дорогого Геллибранда больше нет в живых. Наше общество понесло невосполнимую утрату... Имя Геллибранда известно всему прогрессивному человечеству. Ни один нотариус не был так искусен в своём деле, как мой покойный начальник. Ему удавались такие виртуозные дела, что все вокруг немели от восторга! И вот наш дорогой Геллибранд нас покинул... Как трогательно с вашей стороны посе-

тить нашу осиротевшую контору по столь трагическому поводу! Покойный весьма ценил ваш острый ум и скромное обаяние. Он всегда радовался вашим нечастым визитам и сильно скучал, когда вы слишком долго нас не навещали. Он то и дело говорил: „А что-то нашего дорогого Философа давно не было видно...“ А теперь уже мы с вами будем скучать без нашего дорогого Геллибранда!“ И он снова принялся утирать свои скупые слёзы... „Я выражаю вам своё искреннее сочувствие“, – ответил Философ, – „Но я не намерен ограничиваться одними слезами и соболезнованиями! Я считаю своим долгом найти и наказать убийцу“. „Мы тоже считаем это своим долгом!“ – неожиданно вмешался Лич, – „К сожалению, поиски убийцы зашли в глубокий тупик...“ „Ничего иного я от нашей доблестной полиции и не ожидал!“ – иронически усмехнулся Философ, – „Но теперь на месте событий появился я – а это означает, что преступнику уже недолго осталось разгуливать на свободе! Мой дедуктивный метод позволяет мне в один момент распутывать самые невероятные дела, перед которыми оказались бессильны лучшие силы Скотланд-Ярда“. „Мы часто слышали от Геллибранда слова восхищения вашим дедуктивным методом“, – припомнил Уиллиброрд, – „Однако нам так и не удалось до конца уразуметь, в чём конкретно этот метод заключается...“ „Суть его до крайности проста“, – ответил Философ, – „Вам надлежит отбросить все невероятные гипотезы, кроме одной – а единственная оставшаяся и будет правильной, какой бы невозможной она на первый взгляд ни казалась!“»

– Замечательный метод! – согласился Доддс, – Полиции следует срочно взять его к себе на вооружение!

– «„Но ближе к делу!“ – Философ своим цепким взглядом окинул кабинет покойного нотариуса, – „Давайте подытожим то, что нам известно об обстоятельствах убийства Геллибранда...“ И он, вытащив из кармана газету, снова развернул её на странице с траурной фотографией...»

– Но он же оставил газету на скамейке! – непонятно кому напомнил Ротмилл.

– Значит, он предусмотрительно имел при себе сразу два экземпляра, – не затруднился с объяснением Маклуски.

– «„Итак, нотариус был обнаружен в своём рабочем кабинете, за запертой дверью, закрытыми окнами и занавешенными шторами“, – процитировал Философ газетную статью, – „Одна из пуль поразила покойного в сердце; другая была обнаружена застрявшей в боковой стене комнаты... На полу перед убитым лежала связка ключей, среди которых находился и ключ от его кабинета. Никакого огнестрельного оружия ни в самом кабинете, ни во всей нотариальной конторе полиции отыскать не удалось... Установлено также, что из кабинета покойного исчез его личный портфель, в котором он обычно носил свои наиболее важные документы...“»

– Боже мой, какая ахинея! – схватился за голову Ротмилл, – У Геллибранда отродясь не водилось никаких портфелей – а свои документы он всегда носил в небольшой папке чёрного цвета... И что ещё за вторая пуля в боковой стене? По-моему, этот Браун несёт сущую околесицу...

– «„Да, всё верно!“ – подтвердил Уиллиброрд», – продолжал доноситься из приёмника голос Брауна, – «„Исчезновение портфеля и пистолета – две самые главные загадки в этом деле. Вызывает удивление и тот факт, что дверь кабинета в итоге оказалась запертой...“ „Я уже размышлял над этими загадками!“ – поспешил похвастаться Лич, – „Исчезновение портфеля можно объяснить тем, что покойный сам вынес его из кабинета и отнёс в какое-то другое место, а потом вернулся обратно уже без него“. „А как вы объясните отсутствие пистолета?“ – не без сарказма осведомился у него Философ. „С пистолетом дело обстоит посложнее!“ – вздохнул Лич, – „Мог ли преступник застрелить покойного при запертой двери и закрытых окнах? Весьма сомнительно... Выпустить пулю через замочную скважину невозможно. (Её калибр превышает диаметр скважины.) Окно было заперто изнутри вместе со всеми своими форточками. Ни одного сквозного отверстия мы на нём не обнаружили – значит, этот путь тоже отпа-

дает. Мог ли преступник выстрелить снизу, из-под двери, просунув пистолет в щель между дверью и полом? Но в этом случае одна из пуль никак не смогла бы угодить в боковую стену... Таким образом, мы приходим к единственно возможному решению – это было не убийство, а самоубийство!“ – заявил Лич с исключительно важным и гордым видом, – „Вы спросите: А куда же тогда делся пистолет, из которого застрелился покойный? Я нахожу этому парадоксу следующее объяснение: Перед тем, как совершить роковой выстрел, покойный привязал к пистолету длинную верёвочку, а другой её конец завёл под дверь кабинета и высунул в коридор. Затем он запер дверь и совершил самоубийство; пистолет выпал из его рук и упал на пол. Через какое-то время некое лицо подошло снаружи к кабинету, потянуло за верёвочку и вытянуло вместе с ней и сам пистолет... Вполне правдоподобная гипотеза; не так ли?“ „Да, пожалуй“, – согласился Уиллиброрд, не заметив нескрываемой иронии на лице Философа. „К сожалению, и в этом варианте перед нами встают неразрешимые загадки...“ – вздохнул Лич, – „Во-первых, кем было лицо, вытянувшее из-под двери пистолет? Во-вторых, зачем оно это сделало? В-третьих, почему оно до сих пор не явилось в полицию? В-четвёртых, с какой целью Геллибранд избрал такой замысловатый способ самоубийства? В-пятых, с какой стати он вообще решил застрелиться? И, наконец, в-шестых: Если это было самоубийство, то почему было сделано два выстрела и каким образом одна из пуль попала в стену? В общем, гипотеза о самоубийстве покойного тоже представляется мне довольно сомнительной...“ „Это напоминает мне какой-то заколдованный круг!“ – воскликнул в отчаянии Уиллиброрд, – „Я до сих пор не могу прийти в себя после вчерашних событий. Меня бросает в дрожь всякий раз, как я о них вспоминаю! Между прочим, вчера я неоднократно проходил по коридору мимо кабинета Геллибранда и неизменно обнаруживал, что он заперт. Мне и в голову не пришло, что мой начальник находится внутри кабинета! Раньше у него не было привычки запирается в одиночестве на рабочем месте. Я был уверен, что он отправился по каким-то важным делам за пределы нашей конторы и запер за собой кабинет... Но ближе к вечеру на меня вдруг нахлынули подозрения. Я отпер кабинет Геллибранда своими ключами и обнаружил его бездыханное тело на полу, рядом с его собственной связкой ключей...“ „А сколько комплектов ключей существует от этой двери?“ – уточнил Философ. „Только два“, – ответил Уиллиброрд, – „Один из них всегда находился у меня, а второй – у Геллибранда“. „Значит, тут возможны лишь два объяснения“, – снова вмешался в беседу Лич, – „Раз покойный был обнаружен застреленным в запертом кабинете, то либо его заперли снаружи вы, либо он заперся изнутри сам“. „Но я его снаружи не запираю!“ – воскликнул Уиллиброрд. „Выходит, он сам себя запер“, – пришёл к выводу Лич, – „Но куда тогда делся пистолет? Вот уж действительно квадратура круга!“ „Эх, инспектор, инспектор...“ – покачал головой Философ, – „Вы категорически неспособны к целенаправленной мыслительной деятельности... Куда делся пистолет – это вопрос второстепенный. Главное для нас сейчас – найти убийцу! Мы можем с большой долей уверенности предположить, что он пришёл к Геллибранду под видом обычного клиента... Кстати, вы уже изучили журнал его посетителей за последние дни?“ „Да, эта работа нами уже проделана!“ – с гордостью сообщил инспектор, – „Мы установили, что вчера к покойному не приходило вообще ни одного клиента; тех же, кто посещал его в течение предыдущего месяца, я добросовестно проверил. В итоге выяснилось, что все они заходили в нотариальную контору с целью оформления доверенностей или других документов. Стало быть, включать их в список подозреваемых у нас оснований нет“. „Иного вывода я от вас и не ожидал!“ – с грустной усмешкой ответил Философ, – „Конечно, вы исходите из того, что отслеживаемые вами преступники обладают ещё более низким интеллектом, чем вы сами. Вы предполагаете, что у них не хватило бы ума придумать правдоподобный предлог для визита в нотариальную контору...“ „А что ещё я должен был предположить?“ – вскричал задетый за живое Лич. „Прежде всего, вы должны были установить ментальные обоснования, толкнувшие преступника на убийство – а не копошиться в каких-то мелочах вроде запертых дверей и исчезнувших портфелей“, – не без сарказма отве-

тил Философ, – „Куда делся пистолет – это само собой выяснится в конце расследования, когда вы поймаете убийцу и хорошенько его допросите... А чтобы вычислить убийцу, вам прежде всего необходимо понять двигавшие им мотивы. Итак, с какой целью он убил нотариуса? Очевидно, что такой выдающийся человек, как Геллибранд, не мог погибнуть по какой-то банальной причине... Вспомните, каким непростым характером он обладал, как он любил говорить правду в глаза власть имущим, как гордо и независимо он перед ними держался! Сомнений быть не может: Именно этого и не смогли ему простить его коварные враги!“ „Теоретически с вашими рассуждениями поспорить сложно“, – пробурчал Лич, в глубине души признавая справедливость упреков собеседника, – „Но как бы нам практически отыскать этих неуловимых преступников?“ „Нет ничего проще!“ – усмехнулся Философ, – „Мой дедуктивный метод – всегда со мной. С его помощью я в один момент выйду на след злоумышленников... А ну-ка дайте мне взглянуть на журнал посетителей Геллибранда!“ Сержанты Доддс и Маклуски вдвоём извлекли из стола покойного нотариуса некую большую тетрадку и едва ли не бегом доставили её Философу. „Лич, вы видели вот эту запись?“ – поинтересовался он, открыв журнал на нужной странице, – „Оказывается, две недели назад на приёме у Геллибранда побывал знаменитый генерал Питт...“ „Да, действительно!“ – припомнил Уиллиброрд, – „Начальник рассказывал мне о его визите... По его словам, генерал вроде бы собирался оформить какой-то нотариальный акт, но потом раздумал и ушёл от нас с пустыми руками“. „Вот это-то меня истораживает!“ – произнёс Философ, погружаясь в напряжённые размышления, – „Пожалуй, нам следует лично навестить генерала Питта и уточнить у него кое-какие детали этой беседы!“ „Это невозможно!“ – возразил Лич, – „Его превосходительство проживает далеко за городом в особо охраняемой зоне. Нас с вами никто туда не допустит“. „Вы отстали от жизни, инспектор!“ – язвительно заметил Философ, – „На прошлой неделе я прочитал в одной бульварной газете, что генерал Питт на днях снял себе для временного проживания небольшой домик в Лондоне. На всякий случай я занёс этот адрес к себе в записную книжку... Между прочим, новые апартаменты генерала расположены буквально в двух шагах от этой нотариальной конторы. Добраться до них нам с вами не составит труда... Я говорю: „нам с вами“, поскольку намерен посетить генерала Питта в сопровождении вас и ваших сержантов как официальных представителей полиции“, – позволил он себе прозрачный намёк. „Да-да!“ – оживился инспектор, – „Если вы согласны взять на себя беседу с его превосходительством, я и мои сержанты охотно сопроводим вас до его места жительства!“ Несколько минут спустя Философ привёл своих троих спутников в один из соседних, ничем не примечательных дворов. (Со стороны процессия выглядела весьма колоритно: стройный подтянутый Философ; толстоватый и лысоватый инспектор; два сержанта, один из которых был на две головы выше Лича, а другой – на две головы его ниже.) Дом, к которому они подошли, имел в вышину лишь два этажа, однако был построен с большой претензией на хороший вкус... Зайдя внутрь и поднявшись по лестнице на второй этаж, гости разыскали в глубине площадки дверь в квартиру генерала. Лич принял официальный вид и торжественно нажал на кнопку звонка... Через несколько секунд дверь приоткрылась, и глазам присутствующих предстал маленький пожилой тщедушный человечек в грязной майке и рваных тренировочных штанах, вытянутых на коленках. „Добрый день, ваше превосходительство!“ – воскликнул Лич, отдавая честь, – „Мы осмелились побеспокоить вас по поводу вчерашнего убийства нотариуса Геллибранда. Надеюсь, до вас уже дошла информация об этом ужасном происшествии?“ „Да, я слышал, что этого типа кто-то пристукнул“, – пренебрежительно ответил генерал, – „Но только при чём тут я? Разыскивать убийц – это скорее по вашей части, инспектор, чем по моей!“ „Мы уже приступили к расследованию, ваше превосходительство!“ – отрапортовал Лич, – „Мы надеемся, что ваши показания помогут нам напасть на след убийц. Две недели назад вы побывали в конторе покойного и теперь являетесь одним из основных свидетелей по этому делу...“ „Ладно, заходите!“ – без особой охоты разрешил генерал, – „Но учтите: На вас я могу потратить только пять минут своего драгоцен-

ного времени!“ Гости переступили порог генеральской квартиры и вслед за хозяином прошли в боковую комнату. Обстановка вокруг недвусмысленно напоминала всем входящим, что они попали в жилище военного человека: На стенах были развешаны военные награды и трофейное оружие; в коридоре висела армейская мишень для пулевой стрельбы, насквозь испещрённая вмятинами от точных попаданий. В двери напротив виднелись плохо замазанные отверстия – вероятно, оставшиеся от прошлых лет, когда генерал упражнялся на этой двери в меткости стрельбы из различного огнестрельного оружия...»

– Каких прошлых лет? – удивился Ротмилл, – Он же снял этот домик всего несколько дней назад!

– «Едва зайдя в боковую комнату, генерал тут же уселся в большое роскошное кресло», – продолжал читать Браун, – «а оробевшие сержанты и благоговеющий инспектор скромно устроились на каких-то табуретках. В этот момент в комнате раздался спокойный и невозмутимый голос Философа: „Какая досада! Мне как раз пришло время принимать лекарство, прописанное врачом... Надеюсь, радушный хозяин позволит мне на пару минут воспользоваться его ванной комнатой?“ „Валяйте!“ – усмехнулся генерал. „Благодарю вас!“ – произнёс Философ, с достоинством выходя из комнаты куда-то в коридор. „Ну, я вас слушаю!“ – обратился генерал к инспектору, – „Вас интересуют мои показания? Но мне почти нечего вам рассказать! Я действительно побывал в конторе этого Геллибранда пару недель назад, чтобы оформить один небольшой нотариальный акт. Увы, нам не удалось сойтись с нотариусом в вопросе о цене... (Этот Геллибранд оказался слишком высокого мнения о себе и своих услугах.) Больше я ничего вам сообщить не могу... Инспектор, у вас имеются ко мне ещё какие вопросы?“ – он грозно посмотрел на Лича. „Нет-нет, ваше превосходительство!“ – испуганно пролепетал тот, – „Прошу извинить, что мы вас побеспокоили! На этот визит нас подбил Философ, будь он неладен!“ „Можете считать наш разговор завершённым“, – угрожающим тоном произнёс Питт, – „и немедленно отчаливать туда, откуда вы сюда припёрлись!“ „Сию же минуту, ваше превосходительство!“ – воскликнул Лич, вскакивая с табуретки и едва не сталкиваясь со своими сержантами, уже вскочившими с двух других. „Но постойте!“ – удивился вдруг генерал, – „Что ещё за шум доносится из соседней комнаты?“ Он резко выпрыгнул из кресла и выбежал в коридор. И тут...»

– И тут я вынужден вас прервать! – раздался в эфире жизнерадостный голос Хогарта, – К сожалению, на нашей радиостанции опять пришло время этой ужасной рекламы... Мы просим наших дорогих слушателей оставаться на той же волне! Через несколько минут мы вернёмся в эфир и продолжим слушать увлекательный рассказ нашего замечательного гостя...

Из транзистора начали раздаваться уже знакомые восторженные отзывы о каких-то таблетках и шампунях... Впрочем, Ротмилл успел протянуть руку и быстро повернуть ручку громкости до минимального уровня.

– Ну, как вам этот детективчик? – поинтересовался он у коллег.

– А вам как? – переадресовал вопрос обратно Маклуски, сидящий на подоконнике.

– Как говорят дипломаты, у меня складывается о нём крайне неоднозначное впечатление, – вздохнул Ротмилл, – Сперва я ещё пытался воспринимать этот рассказ всерьёз – но потом махнул рукой и перестал удивляться всем его нелепостям. Похоже, автор совершенно ничего не понимает в теме, за которую взялся...

– Ну да, разумеется! – поддержал его Доддс, – Основные сведения об убийстве Геллибранда он почерпнул из бульварных газет, а всё остальное домыслил сам. Собственно, ничего другого мы от нашего Брауна и не ожидали!

– Он в корне неверно описал здание, в котором располагалась контора Геллибранда, – продолжал Ротмилл, – Он не имеет никакого понятия об охраннике Метчифе и секретарше мисс Кьюэл; он не знает, что в момент убийства в конторе находились посетители Бойс, Хантер и Манди – зато он изобрёл какого-то помощника с идиотской фамилией и приплёл к этому делу

какого-то генерала. Ко всему прочему, и сам главный герой, как выясняется, тоже был близким знакомым и даже другом покойного нотариуса... Будем называть вещи своими именами: Это – просто бред разгорячённого поэтического воображения!

– Именно таким образом вам и следует расценивать этот рассказ! – охотно согласился с ним Маклуски, – Придуманый Брауном Геллибранд не имеет ничего общего со своим реальным прототипом – за исключением того, что оба они были нотариусами и оба были застрелены в своих рабочих кабинетах. Я бы сказал, что этот рассказ имеет примерно такое же отношение к убийству настоящего Геллибранда, как фильм по мотивам другого произведения Брауна («Брильянты герцогини») к самому этому произведению... Между прочим, в газетах приводились подлинные подробности убийства нашего нотариуса – но Браун их почему-то проигнорировал. Возможно, они показались ему банальными и неживописными... Вот он и придумал взамен другие, более яркие и красочные! Если можно так выразиться, он решил укокошить нашего Геллибранда повторно – гораздо более изощрённым и поучительным образом...

– Итак, перед нами – откровенная выдумка, никак не связанная с реальностью, – подытожил Доддс, – Будем считать, что Браун загадал нам логическую загадку – а наша задача состоит в том, чтобы её решить... Ротмилл, что скажете? Вы уже догадались, кто и как убил этого второго Геллибранда?

– Пока не совсем, – не стал преувеличивать следователь по уголовным делам, – Я так и не понял, с какой стати он оказался внутри запертого кабинета... Версия о выстреле из-под двери представляется мне полным абсурдом. Но гипотеза о самоубийстве выглядит вряд ли намного лучше... Инспектор был прав: Если Геллибранд решил покончить с собой, то откуда тогда на боковой стене появилась вмятина от пули?

– Возможно, наш нотариус не слишком виртуозно владел огнестрельным оружием, – высказал предположение Маклуски, – Стреляя сам в себя, он вполне мог сперва промахнуться и лишь со второй попытки прострелить себе сердце... Кстати, вариант с пистолетом, вытасканным из-под двери за верёвочку, выглядит весьма свежо и остроумно, – признал он.

– Странно, что Лич прошёл мимо другого, ещё более очевидного варианта, – заметил Доддс, – Если щель под дверью настолько велика, что в неё пролезает пистолет, там наверняка пролезет и связка ключей... Тогда мы можем предположить, что убийца, застрелив нотариуса, вышел из кабинета, запер его снаружи и затем закинул связку с ключами обратно в кабинет через эту самую щель. В итоге ключи и оказались на полу возле тела покойного, лежащего под своим столом...

– У нас недостаточно информации, чтобы строить подобные гипотезы, – возразил Ротмилл, – Мы не знаем, в каком месте кабинета был обнаружен убитый Геллибранд и с какой стороны от своего стола он лежал. Возможно, стол находился между ним и дверью – но тогда связку ключей было бы невозможно закинуть по полу от двери к его телу. (Этому помешал бы стол.)

– Я готов согласиться с Философом: Всё это – вопросы второстепенные, – махнул рукой Маклуски, – Давайте лучше поразмыслим над личностью убийцы...

– А тут и думать нечего! – моментально откликнулся Доддс, – Ротмилл, сколько времени осталось до конца передачи?

– Минут двадцать, – прикинул Ротмилл, взглянув на часы.

– Тогда с убийцей всё уже ясно! – обрадовался Доддс, – За оставшееся время персонажи вряд ли успеют посетить ещё какого-либо подозреваемого – значит, Геллибранда угрожал наш генерал Питт! Сейчас Философ должен его разоблачить и объяснить читателям все сопутствующие обстоятельства. Мне думается, двадцати минут на это как раз хватит – и даже останется ещё немножко на ещё один рекламный блок...

– Полностью с вами согласен, – кивнул головой Маклуски, – Генерал ведёт себя слишком нагло и развязно; он с пренебрежением отозвался о покойном нотариусе и без должного

почтения встретил нашего Философа. Он уже вызвал антипатию у всей слушательской аудитории... Очевидно, именно его автор и собирается объявить убийцей Геллибранда, – выразил уверенность он.

– А каков тогда мотив убийства? – задумался Ротмилл.

– Да мало ли какой! – не затруднился с ответом Доддс, – Мы знаем, что две недели назад Питт приходил в нотариальную контору и ушёл оттуда ни с чем. Возможно, именно тогда они с Геллибрандом и поссорились...

– К сожалению, нам неизвестно, какими тёмными делишками занимался этот Геллибранд в своей конторе, – принялся рассуждать Маклуски, – Его помощник обмолвился, что весь мир будто бы приходил в восторг от виртуозных проделок его начальника... Судя по всему, Геллибранд проводил какие-то изощрённые махинации со своими нотариальными актами. По поводу одной из них они с Питтом, скорее всего, и не сошлись в цене. Ну а поскольку оба они обладали непростыми характерами, это ссора вполне закономерно завершилась трагически – в итоге один из персонажей и прикончил другого...

– А вот сейчас и проверим ваши догадки! – пообещал Ротмилл, поворачивая ручку громкости на транзисторе, – Похоже, рекламная пауза наконец закончилась...

– Прошу вас, мистер Браун! – донёсся из эфира голос Хогарта, – Миллионы слушателей с нетерпением ожидают развязки вашего замечательного рассказа!

– «И тут», – возобновил чтение Браун, – «события в квартире генерала неожиданно начали приобретать чрезвычайно драматичный оборот, как в лучших рассказах Артура Конан Дойла или Агаты Кристи... Из коридора донёсся истошный крик Питта: „Как это понимать? Что вы делаете в моей спальне, вы, так называемый Философ?“ Инспектор Лич и оба сержанта, приоткрыв рты от изумления, выскочили из комнаты вслед за генералом. Они обнаружили, что Философ в этот момент выходит из спальни с большим красивым портфелем в руках. „Я отвечу вам словами бессмертного Шерлока Холмса“, – невозмутимо произнёс он, – „Генерал, что это за портфель и что он делает в вашей квартире?“ „Невероятно!“ – ахнул ошарашенный Лич, – „Этот портфель очень похож по описанию на тот, который исчез из кабинета покойного Геллибранда...“ „Отставить!“ – рявкнул генерал, – „Откуда в моей спальне мог взяться портфель этого сопливого нотариуса?“ „Вас никто ни в чём не подозревает, ваше превосходительство!“ – заверил Лич, – „Конечно, этот портфель только похож на тот...“ „Генерал, вам бесполезно отпираться!“ – суровым голосом произнёс Философ, – „В этом портфеле я обнаружил личные документы покойного Геллибранда, которые вы по своему высокоумию не посчитали нужным из него выложить!“»

– Вот ведь осёл! – не смог сдержать эмоций Маклуски.

– «Генерал в растерянности остановился посередине коридора», – продолжал читать Браун, – «Впрочем, и прочие участники этой сцены, за исключением Философа, были застигнуты врасплох неожиданным поворотом событий... Внезапно к генералу вернулась присущая ему решимость. Он вдруг вытащил из кармана брюк новенький лакированный пистолет и с криком „Ты слишком далеко съёшь свой нос, философишка!“ направил его на Философа...»

– Пистолет в кармане тренировочных брюк? – удивился Доддс, – Ну и пижон этот генерал!

– «Инспектор застыл на месте с перекошенным лицом и как загипнотизированный наблюдал за происходящим. Великан Доддс испустил полный отчаяния возглас, напоминавший гудок паровоза; коротышка Маклуски прибавил к нему тоненький пронзительный писк... И лишь один Философ не потерял присутствия духа: Точно рассчитанным движением он применил против генерала приём из арсенала джиу-джитсу. Лакированный пистолет, вырвавшись из цепких генеральских пальцев, бессильно упал на ковёр».

– Вот это он молодец! – одобрительно кивнул головой Ротмилл, – Таким генералам давно пора давать по морде!

– Генералу нужно скорее бежать за следующим пистолетом! – не смог удержаться от полезного совета Маклуски, – Мы знаем, что по всей квартире развешано трофейное оружие. Сдаётся мне, этот лакированный пистолет был у него не последним...

– Боюсь, огнестрельное оружие ему уже не поможет, – высказал предчувствие Доддс, – Наш Философ слишком хорошо владеет приёмами джиу-джитсу...

– «Оставшись безоружным», – читал тем временем Браун, – «генерал на какой-то миг растерялся, но затем быстро нашёл удачный выход: проشمыгнув мимо остолбеневшего инспектора, он выскочил через открытую входную дверь на лестничную площадку. Следом за ним метнулся Философ, выкрикивая на ходу: „Инспектор, не упустите!“ А генерал уже подбежал к лифту. Он успел запрыгнуть в него и захлопнуть дверь буквально перед носом у преследователя...»

– Лифт в двухэтажном доме? – высказал сомнение Маклуски, – На мой взгляд, это – откровенное излишество!

– «„Мы опоздали!“ – воскликнул в отчаянии Лич, подбегая к лифту следом за Философом, – „Он уже уехал на первый этаж! Через несколько секунд он улизнёт из дома и скроется в неизвестном направлении...“ „Прекратите панику, инспектор!“ – невозмутимо ответил Философ и резко рванул на себя стоп-кран».

– Да у них там и лифт со стоп-краном? – поразился Доддс, – А потайного аэродрома в подвале дома случайно нет?

– «Послышался надрывный лязг и скрежет тормозов. Лифт экстренно остановился на полпути между вторым и первым этажами. В наступившей тишине из застрявшей кабины лифта донёсся полный горечи голос генерала: „Похоже, на этот раз я всё-таки проиграл...“ „Вы верно оценили ситуацию, генерал!“ – ответил Философ, несколько не потерявший присутствия духа, – „Сейчас мы вызовем сюда работников прокуратуры, чтобы они осуществили ваш арест – а заодно и лифтовых диспетчеров, дабы они вытащили вас из шахты. Можете не беспокоиться: Вам уже недолго осталось томиться в одиночестве!“ „О, как бы я хотел пустить пулю в твой слишком умный лоб!“ – в полном бессилии завопил Питт из лифта. „К сожалению, генерал“, – невозмутимо парировал Философ, – „далеко не все свои желания вы способны самостоятельно удовлетворить!“»

– Положим, вызвать диспетчера генерал может и без посторонней помощи, – заметил Маклуски, – На кнопочной панели в кабине лифта наверняка имеется соответствующая кнопка...

– «Несколько дней спустя», – продолжал доноситься из транзистора голос Брауна, – «возле здания главного следственного изолятора Лондона можно было заметить двоих на редкость решительных и напористых джентльменов со значками „пресса“ на лацканах пиджаков. Они вот уже несколько часов подряд терпеливо расхаживали возле парадного входа в изолятор, с надеждой устремляя взгляды на каждого выходящего... Наконец, из дверей показался тот, кого они так долго дожидались. Это был наш главный герой, стройный и элегантный Философ... Представители прессы наперегонки кинулись к нему и в один момент окружили со всех сторон. „Вы обещали дать нам эксклюзивное интервью!“ – воскликнул один из них. „И нам тоже!“ – вскричал другой. „Я прекрасно помню все свои обещания“, – успокоил их Философ, – „Итак, вы представляете газеты „Таймс“ и „Гардиан“... Я охотно дам вам интервью и расскажу, чем закончилось следствие по делу об убийстве нотариуса Геллибранда. Однако сперва я должен напомнить, что и за вами числится один должок...“ Журналисты в недоумении переглянулись. „Какой должок?“ – переспросил репортёр „Таймс“, – „Разве мы брали у вас что-то в долг?“ „Речь идёт о долге не материальном, а моральном“, – уточнил Философ, – „Некоторое время назад вы в своих газетах подробно освещали ход конфликта вокруг литературного салона „Горациус“, который какая-то посторонняя секретная организация бесцеремонно выгнала из его собственного здания. Но затем публикации на эту тему в ваших изданиях пре-

кратились... Между тем, справедливость до сих пор не восстановлена, и „Горациус“ всё ещё не может вернуться в свои законные владения. В этом есть доля вины и ваших газет! Если бы вы не прекратили свои разоблачающие публикации, гонителям культуры было бы гораздо сложнее обделывать свои тёмные делишки...“ „Да, это – наша недоработка!“ – признал репортёр „Гардиан“, – „Мы допустили досадные пробелы в освещении этого конфликта. Мы обещаем немедленно устранить это упущение!“ „Прямо сегодня это и сделаем!“ – поддержал его журналист „Таймс“, – „Как только вернусь в редакцию, сразу напишу очередной репортаж и положу на стол редактору...“ „Вот и славно!“ – кивнул головой Философ, – „Долг свободной демократической прессы состоит в том, чтобы помочь восстановлению справедливости – особенно, если дело касается незащищённых культурных салонов... Ну а я со своей стороны спешу поделиться с вами самой свежей информацией: Несколько минут назад генерал Питт перед лицом неопровержимых улик был вынужден сознаться в убийстве нотариуса Геллибранда“. „Вот это сенсация!“ – воскликнул репортёр из „Таймс“. „Завтра утром мы поместим материал об этом на первую полосу“, – пообещал репортёр из „Гардиан“. „Следствию, не без моей скромной помощи, удалось прояснить все обстоятельства этого дела“, – продолжал Философ, – „Увы, наш дорогой Геллибранд пал жертвой собственного великодушия... Все мы помним, каким гордым и независимым характером он обладал. Он любил делать людям добро, но не мог пройти мимо произвола власть имущих. В разговорах со мной (да и не только со мной) он не раз высказывал своё возмущение по поводу наглого бесцеремонного выселения салона „Горациус“ с законно занимаемой им площади. (Да и по другим вопросам он отнюдь не считал допустимым держать своё мнение при себе.) Моё сердце уже давно сжимало недоброе предчувствие, что враги Геллибранда не простят ему столь независимого поведения. Мои опасения, увы, оправдались... Орудием сатаны в данном случае выступил пресловутый генерал Питт. Нашему культурному обществу давно знакомы его диктаторские замашки и нетерпимость к чужому мнению. Волею судьбы пути-дороги Геллибранда и Питта пересеклись... Некоторое время назад генерал захотел составить себе некий нотариальный акт. Он позвонил Геллибранду в контору и в приказном порядке потребовал, чтобы тот явился к нему на дом для оформления документа. Он был уверен, что нотариус со всех ног бросится исполнять его приказ, польщённый вниманием столь высокопоставленной особы... Однако прямодушный Геллибранд решительно отклонил его развязное приглашение и предложил Питту самому зайти к нему в контору, как это делали сотни прочих посетителей. Питт, непривычный к такому поведению нотариусов, пришёл в ярость. С тех пор Геллибранд превратился для него в злейшего врага... Несколько дней подряд генерал не мог думать ни о чём другом – только о том, как бы ему отомстить несговорчивому нотариусу. Две недели назад Питт самолично явился к Геллибранду в контору и повторил своё приглашение с глазу на глаз. Он грозился, что если нотариус откажется явиться к нему на дом для оформления документа, то его будут поджидать весьма серьёзные неприятности. Однако гордый неподкупный Геллибранд не поддался на шантаж и снова решительно отклонил домогательства генерала. Питт покинул нотариальную контору в состоянии бешенства... Он был готов отдать немедленное распоряжение об аресте Геллибранда по обвинению в государственной измене; его остановило лишь то соображение, что в глазах культурной общественности гордый нотариус и после ареста останется моральным победителем. И тогда Питт придумал другой план, полный изощрённого коварства: Он в спешном порядке снял себе домик в двух шагах от конторы своего недруга. Позвонив оттуда Геллибранду изменённым голосом, он представился несчастным инвалидом, который не может выйти из дому по состоянию здоровья. Он слёзно умолял его зайти к нему домой, чтобы оформить какой-то документ. Прямодушный Геллибранд откликнулся на его призыв, так и не заподозрив подвоха. Заперев свой рабочий кабинет, он поспешил на помощь мнимому инвалиду, прихватив с собой портфель с наиболее важными документами. (Он даже не стал извещать об этом своего помощника, ибо привык творить добро ненапоказ.) Явившись по указанному адресу, Геллибранд обнаружил,

что попал в квартиру генерала Питта... Торжествующий генерал воскликнул: „Ну вот, Геллибранд, я всё-таки добился своего: Ты явился ко мне домой для оформления нотариального акта! Мне наконец удалось сломить твоё непостижимое упрямство!“ Негодующий нотариус, приняв полный достоинства вид, ответил: „Но я не намерен молчать! Завтра вся наша культурная общественность узнает, к каким недостойным хитростям прибегаете вы для достижения своих корыстных целей!“ Увы, наш благородный и прямодушный Геллибранд своими искренними бесхитростными словами сам навлек на себя беду... Генерал не смог стерпеть его дерзкого ответа: Схватив свой лакированный пистолет, он в порыве гнева выстрелил несчастному прямо в сердце. Меткий выстрел сразил его насмерть... Чтобы отвести от себя подозрения в убийстве, генерал решил отнести тело убитого обратно в нотариальную контору. Обхватив его за шею, он выволок его из дома и потащил по безлюдным улицам. У немногочисленных прохожих создавалось полное впечатление, будто два загулявших забулдыги возвращаются домой после весёлой попойки... К счастью для Питта, его новый дом был расположен всего в двух кварталах от конторы Геллибранда, а народу на улицах в тот час было на редкость немного ввиду душающей жары...“»

– Какая ещё душающая жара? – не выдержал Ротмилл, – Геллибранд был убит первого марта текущего года! Как мне помнится, в тот день на лондонских улицах ещё лежал снег...

– «„Генерал за несколько минут дотащил тело убитого до его конторы. Он отпер дверь кабинета ключом из связки, обнаруженной в кармане нотариуса. Занеся свою жертву в кабинет, Питт уложил её на пол возле стола и бросил рядом ключи. Дабы внушить окружающим мысль, что убийство якобы состоялось именно здесь, он произвёл из своего лакированного пистолета выстрел в боковую стену... Генералу помогло удачное стечение обстоятельств: Помощник Геллибранда, весь день непрерывно находившийся в нотариальной конторе, не обратил внимания на шум, доносившийся из кабинета начальника...“»

– Доддс, вы не могли бы хихикать немного потише? – потерял терпение Маклуски.

– «„Выйдя из кабинета, Питт запер дверь при помощи своей собственной отмычки. Как потом выяснилось, в молодости генерал частенько промышлял мелкими кражами, вскрывая комнаты своих соседей по воинскому общежитию. С тех самых пор он имел привычку повсюду таскать с собой в карманах сразу несколько дверных отмычек...“»

– Ротмилл, и вы туда же! – возмутился Маклуски, – Теперь вы с Доддсом гогочете вдвоём, заглушая мне всю радиопередачу... Очень некрасиво с вашей стороны!

– «„Таким вот образом и произошло это коварное убийство!“ – закончил свой рассказ Философ, – „Но на свете всё же существует одна вещь, о которой начисто забыл генерал Питт – я имею в виду высшую справедливость... Ещё за несколько дней до убийства я, просматривая одну из бульварных газет, наткнулся на заметку о таинственном переселении генерала из своих загородных апартаментов в скромный домик посереде Лондона. Это сразу навело меня на некие смутные предчувствия и подозрения... Ну а когда я уже после убийства увидел фамилию генерала в журнале посетителей конторы Геллибранда, мои неясные предположения превратились в твёрдую уверенность. При помощи своего старого доброго дедуктивного метода я быстро привёл расследование к успешному концу. Явившись в дом генерала вместе с инспектором Личем и сержантами, я под остроумным предлогом ненадолго покинул их компанию и осторожно пробрался в спальную комнату. Пока Питт беседовал с Личем, я провёл в его спальне небольшой обыск. (Собственно, я для того и пригласил с собой инспектора и сержантов, чтобы они своими бесполезными разговорами отвлекли внимание хозяина квартиры и позволили бы мне спокойно порыскать по спальне.) Вскоре я обнаружил под кроватью самую главную улику – портфель Геллибранда со всеми его документами... Итак, в самое ближайшее время суд отправит генерала Питта отбывать заслуженное наказание. Ну а мы, продолжая скорбеть об утрате нашего дорогого Геллибранда, можем утешить себя мыслью, что нам уда-

лось восстановить справедливость и воздать убийце по заслугам... Надеюсь, я сполна удовлетворил ваше профессиональное любопытство?“ – осведомился Философ у журналистов».

– Журналистам осталось задать ему ещё один важный вопрос, – заметил Доддс, уже закончивший хохотать, – Интересно, получил ли наш Философ за свои труды очередную порцию брильянтов?

– «„Позвольте ещё один вопрос!“ – произнёс репортёр „Гардиан“, – „Насколько нам известно, перед началом расследования помощник Геллибранда пообещал подарить большой брильянт тому лицу, которое сумеет раскрыть это убийство... Не известно ли вам, получил ли уже инспектор Лич этот бриллиант?“ „Нет, он его не получил“, – ответил Философ; на его лице промелькнула едва заметная усмешка, – „Мистер Уиллиброрд посчитал, что заслуги Лича в раскрытии этого преступления уступают заслугам другого лица, которому и был вручён этот брильянт. Увы, этим лицом оказался отнюдь не инспектор Лич...“ „Но кто же тогда этот счастливчик?“ – воскликнул вконец заинтригованный репортёр „Таймс“. „Я предпочту оставить ваш вопрос без ответа – хотя он мне и известен“, – загадочно улыбнулся Философ, – „Больше вы ничего не желаете узнать? Ну тогда позвольте откланяться!“ И Философ, слегка кивнув головой обоим журналистам, невозмутимо проследовал мимо них вдаль по шумному лондонскому проспекту...»

– Чудесно! – донёсся из транзистора бодрый голос Хогарта, – Мистер Браун, вы читали просто великолепно – мы точно уложились в намеченное время!

– В заключение я бы хотел сказать нашим уважаемым слушателям ещё несколько слов, – снова раздался в эфире предельно серьёзный голос писателя Брауна, – Надеюсь, что они, следя за увлекательной фабулой моего рассказа, не упускают из виду и более серьёзные материи... Помимо чисто развлекательной задачи любое литературное произведение должно содержать в себе некий просвещающий или даже наставляющий момент. Своим творчеством я пытаюсь донести до читателей мысль о превосходстве духовного интеллектуального начала над грубым материальным... Возвращаясь к главной теме своего рассказа, признаюсь: Меня крайне удручает стремление наших правоохранительных органов ограничиться лишь самыми примитивными и банальными версиями убийства нотариуса Геллибранда. Наши твердолобые полицейские умы почему-то убеждены, что все убийства на свете происходят из-за денег или по иной бытовой причине... Но разве мог такой неординарный нотариус, как Геллибранд, пасть жертвой тривиального преступления? Нет, в это невозможно поверить! Давайте вспомним: Тело убитого было обнаружено в герметично запертом помещении, за закрытыми окнами и занавешенными шторами; орудие убийства не найдено; свидетелей до сих пор нет; подозреваемых тоже нет... Очевидно, подобное загадочное преступление могло быть совершено лишь из идеологических или даже ритуальных побуждений – но уж никак не по заурядным бытовым причинам! Если нашу передачу в данный момент слушают какие-либо высокие полицейские чины, я призываю их немедленно отработать эту гипотезу... Между прочим, умаление идеологического и интеллектуального начала в угоду материальному сильно вредит нашему обществу. Наглядный пример этому – недавние события вокруг литературного салона «Горациус». (Недаром о них с таким участием высказывался мой литературный персонаж!) К сожалению, начало материальное, в данном случае материализованное (прошу извинения за невольную тавтологию!) в лице противников «Горациуса», пока одерживает верх над началом духовным, представленным самим «Горациусом» – а безучастная общественность наблюдает за этим как бы со стороны и даже не делает попыток вмешаться... И ещё я бы хотел заметить...

– Наше время закончилось! – жизнерадостно объявил Хогарт, – Итак, мы прощаемся с нашими слушателями – конечно, не навсегда, а только до следующей передачи! Мы надеемся, что замечательный писатель Браун ещё не раз посетит нашу гостеприимную студию и ещё долго будет радовать нас своими новыми хитроумными рассказами... Но позвольте! – воскликнул

он в недоумении, – Только что на столе лежал мой фломастер – а теперь его здесь уже нет... Как мы должны это понимать?

– Не знаю, не знаю! – засмеялся Браун.

– Очень странная история! – в голосе Хогарта промелькнуло подозрение, – Ну что ж, придётся разбираться... А сейчас у нас в эфире – опять эта ужасная реклама!

К счастью, Ротмилл успел вовремя щёлкнуть нужной кнопкой, и реклама шампуней заглохла на первом же слове. Обернувшись к коллегам, он поинтересовался:

– Ну, а что вы скажете теперь? Понравился ли вам этот детективчик?

– В целом рассказ Брауна вполне оправдал наши ожидания, – не стал лукавить Доддс, – Как мы и предвидели, преступником оказался злодей-военный, а тупоумные полицейские опять не смогли и шагу ступить без помощи нашего дорогого Философа. Заодно Браун не упустил возможности лишний раз прорекламить этот дурацкий «Горациус», который он сам же и возглавляет... Ещё мне понравилось то, что рассказ завершился уже привычным счастливым концом в виде очередного брильянта для главного персонажа. (То же самое мы наблюдали и в концовках предыдущих рассказов и фильмов с его участием.) Таким образом, наш Философ богатеет не по дням, а по часам – то есть, с каждым новым рассказом и фильмом...

– Но следует отметить, что на сей раз его улов уступает предыдущим, – обратил внимание Маклуски, – Вспомним: Герцогиня Шропшир подарила ему сразу три брильянта, а Глэдис Гладстон расщедрилась ещё больше – она преподнесла ему целую кучу этих брильянтов. (Уоддок насчитал в этой куче никак не менее пяти штук.) Теперь же этот прижимистый Уиллиброрд ограничился одним-единственным экземпляром...

– Зато в тексте рассказа он был назван «большим брильянтом», – не нашёл поводов для уныния Доддс, – Так что не спешите упрекать Уиллиброрда в скупости! Не исключено, что один его брильянт стоит трёх шропширских и пяти гладстонских... В общем, наш удачливый персонаж опять сумел набить свой карман! А вот добыча автора оказалась чуть поскромнее – всего лишь один фломастер Хогарта...

– Кстати, я бы не назвал Брауна закоренелым клептоманом, – предельно взвешенно и непредвзято высказался Маклуски, – С другой стороны, непохоже, что он ворует фломастеры из-за неодолимой материальной нужды... Скорее всего, он прёт чужие вещи потому, что считает себя слишком умным, а всех прочих – безнадёжными разинями, – пришёл к неожиданному выводу он.

– Мне этот рассказик, в общем-то, тоже понравился, – признал Ротмилл, – Хотя с детективной точки зрения он, на мой взгляд, немного слабоват... Завязка сюжета выглядела весьма заманчиво – читателям была предложена очередная вариация на тему «труп в герметично запертом помещении». Я и сам долго не мог понять: Каким же образом убийце удалось выбраться из кабинета, оставив ключи внутри? Но развязка меня откровенно разочаровала – оказывается, убийца запер за собой дверь при помощи отмычки... Честно говоря, я ожидал более изощрённого решения! Да и мотив преступления тоже не кажется мне правдоподобным: Нотариус и генерал не смогли договориться, кто из них к кому должен был явиться для оформления какого-то документа... Нужно быть последним идиотом, чтобы устроить перестрелку из-за подобного пустяка!

– Вы правы: Интеллекта нашим персонажам явно не хватает, – поддержал его Маклуски, – Будь этот придуманный Геллибранд чуточку поумнее, он бы до сих пор был жив-здоров и спокойно посиживал бы в своей нотариальной конторе за красивой мраморной табличкой... Скажите на милость: Ради чего он ввязался в интеллектуальный спор с этим самолюбивым и метко стреляющим генералом (да ещё не владея приёмами джиу-джитсу)? При первой же беседе с Питтом Геллибранду следовало срочно вызвать на место событий парочку крепких санитаров со смирительными рубашками. Скорая психиатрическая помощь нашему вспылчивому генералу уж точно не помешала бы... Но если ты предпочитаешь вступать в идейные

дискуссии с заведомо ненормальными субъектами – значит, у тебя у самого не хватает винтиков в одном месте!

– Да и главный персонаж, честно сказать, не вызывает у меня особого восхищения, – продолжил свои рассуждения Ротмилл, – Я так и не понял, в чём же заключается его хваленый дедуктивный метод. Своё расследование он вёл наобум, сторяча и без какого-либо разумного плана... Конечно, серьёзные дела такими топорными методами не делаются!

– Вы полагаете: Не делаются? – засомневался Доддс, – Но согласитесь: Портфель под кроватью генерала он отыскал на удивление оперативно!

– Ну ещё бы! – хмыкнул Ротмилл, – Легко находить портфели под кроватями, когда те оказываются там по воле автора рассказа! Попробовал бы этот Философ порыться в спальне настоящего генерала... Нет-нет, этот Философ – полнейшая бездарность и откровенный краснобай! В работе следователя он понимает не больше, чем я – в какой-нибудь японской философии...

– Да, кстати! – заметил Маклуски, – Я очень удивился, когда узнал, что этот придуманный Геллибранд якобы неоднократно высказывался в поддержку салона «Горациус»... Надеюсь, настоящий Геллибранд до такой глупости никогда не опускался!

– Скажу вам больше: Убийство настоящего Геллибранда представляется мне куда более хитрым делом, чем то, что выдумал ваш Браун, – без тени сомнений заявил Ротмилл, – Он хотел укокошить нашего нотариуса иначе, чем это случилось на самом деле – и, разумеется, ничего путного из его затеи не вышло... Наше с вами расследование убийства реального Геллибранда даст этому убогому детективному рассказику сто очков вперёд!

– Но с других точек зрения рассказ Брауна несомненно удался, – продемонстрировал взвешенный подход Маклуски, – Я надолго запомню, как вы с Доддсом оба рухнули на раскладушки от дикого хохота... (А вот когда мы с вами расследовали убийство настоящего Геллибранда, нам было совсем не до смеха.) Согласитесь: Далеко не всякое литературное произведение способно по-настоящему развеселить сразу двух суровых и предельно серьёзных следователей полиции!

– Я давно заметил один любопытный парадокс, – поделился наблюдением Доддс, – Если автор намеренно пытается развеселить читателей, это ему обычно удаётся с огромным трудом; зато когда он пишет абсолютно серьёзное произведение, читатели один за другим падают под стол от хохота... Вот вам наглядный пример: Наш коллега Махони едва не засыпает от скуки над своим сборником сатиры и юмора; но когда он изучает собственные секретные инструкции, то от души хохочет с утра до вечера... Верно говорят: Только высокая литература способна пробудить в человеке его лучшие чувства! (Разумеется, речь идёт о глубоком чувстве юмора.)

– Итак, подведём промежуточные итоги нашей совместной работы! – призвал присутствующих Маклуски, – Только что мы прослушали и обсудили очередной рассказ писателя Брауна... Можно считать, что с этим пунктом повестки дня мы справились успешно. Остались ли в этой повестке ещё какие-либо невыполненные пункты? Ротмилл, вы, наверно, припасли для нас ещё какое-то любопытное дельце?

– А как же! – подтвердил Ротмилл, наклоняясь к своей спортивной сумке, – Помимо транзистора я притащил к вам ещё одну интересную штуку... Вы догадываетесь, какую именно?

– Кажется, уже догадываемся, – подтвердил Доддс, – Алюминевую фляжку?

– Да вам бесполезно загадывать загадки! – улыбнулся следователь по уголовным делам, извлекая из своей спортивной сумки упомянутый алюминиевый сосуд, – Вместе с транзистором я заодно прихватил из дома и эту фляжечку... Какое-то шестое чувство мне подсказало: Она нам нынче наверняка пригодится!

Два прославленных детектива лондонской Центральной полиции многозначительно переглянулись между собой.

– Пожалуй, вы правы! – согласился Маклуски, – Выезжать в Пантинктон сегодня уже поздно, а других важных дел у нас до конца дня как будто не намечается... Ну что ж! – решительно произнёс он, слезая с подоконника, – Принимая во внимание то обстоятельство, что к нам пожаловал столь нечастый гость, как Ротмилл; и не упуская из виду тот факт, что сегодня мы потрудились на славу, размышляя об обстоятельствах повторного убийства нотариуса Геллибранда – короче говоря, учитывая всё это, мы имеем полное право отставить в сторону все наши прочие дела и немедленно приступить к...

– Давайте обойдёмся без долгих предисловий! – прервал его монолог Доддс, поднимаясь с раскладушки, – К чему мы с вами должны приступить – это уже давно понятно и малолетним школьникам!

И два знаменитых детектива решительно направились к своим большим саквояжам, стоявшим наготове возле стены.

CLXXIII. Одинокий путник

– А вот и Горенс – с трубкой на боевом посту! – блеснул наблюдательностью Доддс.

– Но теперь его сладкая жизнь закончилась – на горизонте появились мы! – выразил предчувствие Маклуски.

Доддс и Маклуски, два прославленных следователя лондонской Центральной полиции, твёрдой решительной походкой приближались к зданию полицейского участка курортного городка Пантинктона. Заметив их в серых вечерних сумерках, их младший коллега Горенс засунул в карман свою давно погасшую трубку и поднялся со скамейки им навстречу.

– Уже прибыли? – констатировал очевидный факт он по окончании процедуры дружеских рукопожатий, – Успели забежать в гостиницу, снять себе номер и оставить там свои саквояжи?

– А заодно и перекурить, – уточнил Доддс, – Ну а у вас в Пантинктоне как дела? По-прежнему всё спокойно?

– Боюсь, не всё, – опроверг Горенс, – Полицейский фургон стоит в полной боевой готовности возле гаража. С минуты на минуту Мюррей собирается выезжать за очередным задержанным...

– Вот так неожиданность! – присвистнул от удивления Маклуски, – А ведь когда мы звонили вам утром из Лондона, никаких экстренных выездов у Мюррея как будто не намечалось...

– Пока вы до нас добирались, ситуация кардинально изменилась, – подтвердил Горенс, – Буквально час назад в Пантинктоне произошла одна любопытная история... Кстати, Мюррей просил вам передать, чтобы вы его без особой нужды не беспокоили. (Он засел у себя в кабинете и дожидается важного звонка из соседнего города.) Я могу предложить вам разве что уединиться в маленькой комнатке справа по коридору – там вы и услышите от меня подробности этой истории...

– Неплохая идея! – признал Доддс.

Вскоре все трое уже сидели внутри полицейского участка в упомянутой комнате непонятого назначения, расположенной наискосок от кабинета Мюррея. Табуретку особой прочности (перевязанную верёвкой) занял Горенс, а двум его старшим коллегам достались две другие, ничем не примечательные табуретки.

– Суть дела проста: Сегодня вечером в Пантинктоне было совершено разбойное нападение на пункт обмена валют, – приступил к докладу Горенс, – Размер похищенной суммы – двадцать тысяч фунтов стерлингов.

– Только и всего? – не смог сдержать разочарования Маклуски.

– Конечно, в наше смутное беспокойное время подобными кражами никого уже не удивишь даже в скромном провинциальном Пантинктоне, – согласился Горенс, – Но больше всего местную полицию возмутило то, что кражу совершили двое приезжих злоумышленников – причём действовали они нагло, цинично, нахраписто и под самым носом у правоохранительных органов... Дело было так: Около часу назад в обменный пункт возле центральной площади явились двое – некие Данфи и Тауэрс. Они несли с собой по одному небольшому жёлтому чемоданчику... Сказав охраннику у входа, что они желают поменять валюту, эти типы прошли в здание и подошли к окошку, за которым сидела кассирша, миссис Фарр. Успеху их предприятия немало содействовало то обстоятельство, что обменный пункт расположен в отдельной части здания и имеет свой собственный вход... Злоумышленники действовали чётко, грамотно и слаженно: Один из них мгновенно оборвал провод тревожной сигнализации, выходящий из будки кассира, а второй распахнул дверь и вихрем ворвался в эту будку. И хотя оружия у грабителя не было, миссис Фарр при виде незнакомого мужика оцепенела от неожиданности и не смогла ни слова сказать, ни рукой пошевелить. Нападавший схватил с её стола всю наличность

(две пачки купюр по десять тысяч фунтов) и кинулся наутёк вместе со своим сообщником... Следует заметить, что под столом миссис Фарр была вмонтирована в пол кнопка экстренного вызова охраны – но она ничем не смогла помочь кассирше, поскольку провод охранной сигнализации, как вы уже слышали, преступники заранее оборвали... Оба грабителя уже давно покинули обменный пункт, а перепуганная кассирша, не решаясь встать из-за стола, всё продолжала робко давить на кнопку то одной ногой, то другой, то двумя ногами сразу, но всё с тем же нулевым эффектом. Если бы Данфи и Тауэрс набрались наглости выйти из обменного пункта через ту же дверь, в которую они туда зашли, охранник вряд ли заподозрил бы неладное. (В этом случае грабители наверняка успели бы исчезнуть из города прежде, чем была бы поднята тревога.) Но наши злоумышленники решили поступить проще: Они вылезли из здания через окно в заднем закутке. Их необычное поведение привлекло внимание охранников соседнего торгового комплекса; те срочно вызвали полицию, а до её прибытия попытались самостоятельно задержать грабителей. В ходе поднявшейся неразберихи произошло то, что обычно в таких ситуациях и происходит – в погоню за одним из беглецов устремился сразу десяток преследователей, а второму удалось незаметно скрыться в неизвестном направлении. Первый грабитель был задержан и передан в руки подросшего вскоре Мюррея и его сержанта Бродбента... У задержанного был изъят маленький жёлтый чемоданчик, о котором я ранее уже упоминал. Перед тем, как в него заглянуть, Мюррей поинтересовался у преступника, что же такое хранится в этом чемоданчике. Задержанный ответил, что абсолютно ничего... Мюррей открыл чемодан и обнаружил внутри небольшой продолговатый предмет, напоминавший футляр от логарифмической линейки. Он спросил, не лежит ли что внутри футляра; грабитель ответил, что абсолютно ничего. Мюррей заглянул в футляр и подтвердил: «Да, действительно ничего!» И тут задержанный сам себя выдал – он подпрыгнул на месте и в замешательстве воскликнул: «Как ничего? А где же деньги?» Убедившись, что его не обманывают, он пришёл в возмущение и в один присест выложил полиции массу интересных сведений про себя и своего сообщника... Он сообщил, что его зовут Тауэрс, а его напарника – Данфи. Они сообща прибыли в Пантинктон из какого-то отдалённого графства, чтобы совершить налёт на какую-нибудь мелкую торговую точку... Их выбор пал на местный пункт обмена валют. Они заранее договорились разделить свою добычу поровну – но Данфи каким-то образом удалось обмануть напарника и одному завладеть всеми двадцатью тысячами фунтов... Тауэрс был настолько возмущён недостойным поведением поделщика, что тут же выдал Мюррею всю известную ему информацию про этого типа. По его мнению, из обменного пункта Данфи, скорее всего, побежал на местный автовокзал, чтобы срочно дать дёру из Пантинктона на первом попавшемся транспортном средстве. Тауэрс дал полиции подробные приметы Данфи: Он – среднего роста и худощавого телосложения; его волосы и щетина слегка седоваты... (Это описание совпадает с тем, что сообщил Мюррею Стеггс, охранник обменного пункта. Что же касается миссис Фарр, то она после пережитого потрясения не смогла толком припомнить, как выглядели напавшие на неё грабители.) Закончив допрос задержанного, Мюррей запер его в одной из камер своего полицейского участка, а сам вместе с сержантом Бродбентом устремился на автовокзал. Как и следовало ожидать, их усилия несколько запоздали: К моменту их прибытия Данфи уже успел слинять из города. Опрос свидетелей позволил выяснить самое главное: Седоватый тип с жёлтым чемоданчиком, похожий по описанию на Данфи, покинул Пантинктон на попутной легковой машине, поскольку в тот вечерний час в автобусном междугороднем сообщении уже наступил перерыв до завтрашнего утра...

– Охотно вам верим, – подтвердил Доддс, – Мы и сами попали в ваш Пантинктон в кабине одного попутного грузовика...

– К счастью, свидетели смогли сообщить Мюррею номер увёзшего Данфи автомобиля и фамилию его водителя, – продолжал свой рассказ Горенс, – В последнее время этот тип (его фамилия – Свиндон) частенько проезжает через Пантинктон то проездом из Лонгчейна

в Пинфорт, то обратно. Он имеет привычку подбирать себе попутчиков на пантинктонском автовокзале и за их счёт компенсировать свои затраты на бензин и прочие дорожные расходы. Вот и сегодня малолитражка Свиндона стояла на привычном месте возле автобусной остановки, а сам он призывно кричал во все стороны: «Эй, кто хочет прокатиться в Пинфорт?» В этот момент на автовокзал вбежал наш Данфи с жёлтым чемоданчиком в руке. Он запрыгнул в тачку к Свиндону, и она тут же покатила в сторону Пинфорта... Мюррей, однако, не стал бросаться в погоню за малолитражкой. Он вернулся к себе в участок, связался с начальником полиции Пинфорта Йоратом и попросил его задержать автомобиль номер такой-то, как только тот появится в его городе. С учётом того, что автомобиль малолитражен и не слишком стремителен, он должен добраться до Пинфорта буквально с минуты на минуту... Вот почему Мюррей теперь безвылазно сидит в своём кабинете и дожидается обещанного звонка! Как только из Пинфорта поступит информация о задержании Данфи, Мюррей и Бродбент немедленно отправятся туда за ним на своём фургоне. Собственно, вот так обстоят наши дела на текущий момент...

На какое-то время в комнате воцарилась напряжённая задумчивая тишина... Пару минут спустя её прервал голос Маклуски:

– Интересно, а какую роль в нашей истории играет этот малолитражный Свиндон?

– Судя по всему, чисто номинальную, – выразил убеждённость Горенс, – Он уже не первый раз появляется в Пантинктоне и всегда занимается одним и тем же делом – стоит на автовокзале и ловит себе попутчиков. Нет никаких оснований подозревать, что сегодня он дождался именно Данфи. Наш седоватый и хитроватый грабитель подвернулся Свиндону чисто случайно; не пояись там Данфи, Свиндон наверняка подобрал бы какого-то другого желающего прокатиться до Пинфорта... С другой стороны, и самому Данфи вряд ли было так уж важно, в каком направлении удирать из Пантинктона после совершения ограбления. Он бы так же охотно прокатился и в Лонгчейн, если бы наткнулся на свободную машину, направляющуюся в ту сторону... Таким образом, бегство Данфи в Пинфорт следует считать всего лишь результатом стечения сразу нескольких случайных обстоятельств. Ну а Свиндон тут вообще ни при чём... Кстати, я слышу шум из коридора! Похоже, Мюррей вышел из своего кабинета, – проявил наблюдательность он.

Все трое срочно поднялись с табуреток и выглянули в коридор. Мюррея там уже не оказалось, поскольку он успел зайти в другую комнату под табличкой «Дежурный», расположенную напротив его кабинета. (Разумеется, никаких дежурных в этом помещении никогда не водилось. Судя по всему, табличка на двери была вывешена в целях служебной конспирации или же просто по недоразумению.) Зайдя в эту комнату, столичные детективы обнаружили, что начальник полиции Пантинктона стоит сбоку от деревянного лежака перед большой настенной картой окрестностей своего города и внимательно её разглядывает.

– Да-да, рад вас видеть, – бросил он Доддсу и Маклуски, дружески пожимая им руки, но ни на секунду не отрывая взгляда от карты, – Прошу извинить: В ближайшее время мне, скорее всего, будет уже не до вас...

– А что слышно из Пинфорта? – не смог сдержать любопытства Горенс, – Удалось ли Йорату задержать Данфи?

Мюррей вздохнул настолько мрачно, что его собеседникам и безо всяких слов стал ясен ответ на второй из заданных вопросов.

– Йорат остановил малолитражку Свиндона при въезде на местный автовокзал, – сообщил он, – В ней оказался лишь один Свиндон. По его словам, Данфи попросил высадить его посередине пути, возле большой горной тропы...

– Ну вот, я так и знал! – проявил запоздалую прозорливость Маклуски.

– Данфи со своим жёлтым чемоданчиком на глазах у Свиндона ушёл в горы по этой тропе, – подвёл неутешительный итог Мюррей, – Эта местность формально относится к району

Пантинктона – так что гоняться за этим типом мне придётся уже без посторонней помощи, – он безо всякого энтузиазма ещё раз посмотрел на карту, – Как видите, автотрасса от Пантинктона до Пинфорта проходит вдоль морского побережья. Море почти вплотную подступает к дороге слева, а чуть правее уже начинаются горы... Большая горная тропа обозначена на нашей карте. Очевидно, Данфи собирается перевалить по ней через перевал и выйти к другой дороге, идущей от Пантинктона вглубь суши. На этот путь ему понадобится не менее двух часов...

– С учётом тёмного времени суток и плохого знания местности, он вряд ли выберется из гор и до завтрашнего утра, – подбросил небольшую ложечку мёда Доддс.

– А вот не торопитесь: Мы не знаем, насколько хорошо он знаком с нашей местностью, – не спешил обольщаться Мюррей, – Не исключено, что он проделает этот путь предельно оперативно и опять оставит нас с носом... Конечно, мы этого не допустим! – его кулаки решительно сжались, – Мы с Бродбентом сию же минуту собираем нашу бригаду и выезжаем на перехват Данфи по ту сторону гор! Горенс, у вас есть желание нас сопровождать?

– Боюсь, что нет, – честно ответил Горенс, ещё раз посмотрев на карту.

– У нас с Доддсом тоже, – поддержал его Маклуски.

– Я вас понимаю: Сидеть в засаде в каких-то горных кустах – удовольствие небольшое, – признал Мюррей, – Если повезёт, операция завершится поимкой преступника уже пару часов спустя; в противном случае наша миссия немного затянется... Трудно сказать, имеются ли у Данфи навыки горного туризма; но даже если он впервые в жизни попал в горы, к завтрашнему вечеру он наверняка через перевал переползёт. Стало быть, сидеть в засаде нам предстоит не более суток...

– Кстати, возьмёте ли вы с собой мобильную связь? – поинтересовался Горенс.

– Она нам вряд ли поможет, – махнул рукой начальник полиции, – По ту сторону гор наши мобильные радиостанции уже не фурычат... Горенс, могу ли я рассчитывать на ваше содействие? – он с надеждой посмотрел на своего столичного коллегу, – Я предупрежу Арчера (сторожа при гараже), что до моего возвращения вы назначены запасным шофёром нашего грузовика. Если у вас вдруг появится какая-либо важная информация, вы всегда сможете воспользоваться грузовиком, чтобы сгонять по ту сторону гор и её (информацию) нам передать...

– Можете положиться на меня: Я вас не подведу! – заверил Горенс.

Полчаса спустя в отделении полиции города Пантинктона стало ещё немного тише и пустыннее: Фургон с Мюрреем, Бродбентом и несколькими рядовыми бойцами укатил на перехват грабителя, а трое столичных следователей опять вернулись в гостеприимную комнатку справа по коридору и заняли свои насиженные табуретки.

В отличие от обычных рабочих дней, этой ночью полицейский участок отнюдь не закрылся на ночь, поскольку в одной из его камер содержался задержанный накануне Тауэрс. Для его охраны в здании остался один из местных сотрудников полиции. (Разумеется, ночевал он не на деревянном лежаке в комнате под табличкой «Дежурный», а в помещении под вывеской «Кладовая», где имелся в наличии старый плюшевый диван.)

– Не стану темнить: Не верится мне, что Мюррей высидит в этих горных кустах свои золотые яйца, – высказал Доддс вслух мысль, которая уже давно была на уме у всех присутствующих, – Судя по всему, этот Данфи – парень не промах. Он уже обвёл своих преследователей вокруг пальца, высадившись из машины посередине дороги... Конечно же, он не попадёт в такую примитивную ловушку, которую устроит ему Мюррей в этих горных кустах, – поделился неутешительным прогнозом он.

– Вот и посмотрим, каким итогом закончится его засада! – не стал заранее ломать голову Маклуски, – Ждать нам осталось немного – не дольше завтрашнего вечера...

– Забавно; не правда ли? – продолжал тем временем Доддс, – Находясь в Лондоне, мы постоянно читали в газетах о бесконечных убийствах и ограблениях, непрерывно происходящих в нашей замечательной столице... Но вот мы прибыли в скромный захолустный Пантинк-

тон – и застали в нём абсолютно ту же самую картину безудержного разгула преступности! Это лишний раз подтвердило моё давнее мнение о глубоком морально-этическом кризисе, захлестнувшем старушку Британию в последние годы...

– Вы зря думаете, будто в других странах дела с преступностью обстоят хоть чем-то лучше, чем у нас! – проявил патриотизм Горенс, – Хотите, я докажу вам это наглядно? Тогда послушайте! – он решительно извлёк из внутреннего кармана свою верную записную книжку, – Сейчас я зачитаю вам один занятный отрывок – а вы попытаетесь догадаться, откуда я его выписал... «Записи редко подделываются сразу; это происходит постепенно, с течением времени и зависит от случая или необходимости; поэтому для защиты от подделок полезно, как только договор или документ составлен, сейчас же снять с него заверенную копию, чтобы всегда иметь её при себе». Ну, что скажете? Откуда, по-вашему, взята эта цитата?

– Похоже на выписку из газетной рубрики «Советы юриста», – не затруднился с ответом Маклуски.

– А вот и не угадали! – усмехнулся Горенс, – Этот совет принадлежит итальянскому писателю Франческо Гвиччардини, жившему в первой половине шестнадцатого века. (Произведение называется «Заметки о делах политических и гражданских». Я процитировал вам заметку номер сто девятнадцать.)

– Печально слышать! – вздохнул Доддс, – Оказывается, четыреста пятьдесят лет назад документы подделывались так же часто, как и в наше смутное беспокойное время? Вот вам и прогресс великой европейской цивилизации!

– Люди во все века имели склонность к совершению правонарушений, – подтвердил Горенс, – Как только на свете появились юридические документы, злоумышленники тут же принялись их подделывать – а едва только открылись первые пункты обмена валют, грабители тотчас начали их обчищать. Задача же правоохранительных органов во все века остаётся прежней – своевременно отлавливать нарушителей закона и сажать их за решётку...

– Боюсь, в нашем сегодняшнем случае сделать это будет непросто, – проявил присущий ему скептицизм Маклуски, – Мюррей с Бродбентом засели в кустах возле какой-то горной тропы и надеются, что грабитель сам на них выбежит... На мой взгляд, подобный метод крайне ненадёжен. Ведь все мы знаем, насколько непросто порой бывает отловить на улице даже собственных близких знакомых, которым нет причин от нас скрываться!

– А можете ли вы предложить более надёжный метод выслеживания подозреваемых? – не замедлил с каверзным вопросом Горенс.

– Например, отправить по следу Данфи с учёной собакой на поводке, – сходу предложил Доддс.

– В распоряжении полиции Пантинктона учёных собак не имеется, – также сходу отмёл неуместный совет Горенс, – Ещё какие предложения у вас будут?

– Насколько мне известно, методика преследования убегающего преступника при отсутствии собаки ещё никем научно не разработана, – не стал упрощать проблему Доддс, – Здесь уж каждому следователю приходится действовать на свой страх и риск... Мне на память сразу пришла одна любопытная история из моей давнишней жизненной практики. В те старые добрые времена я как раз проходил стажировку в одной шаражкиной конторе в городе Бирмингеме... Как-то раз из соседнего с нами торгового комплекса было похищено ведро белой краски. Вызванный на место происшествия следователь полиции подошёл к делу строго научно, с привлечением знаменитого дедуктивного метода. Следует признать, что его задачу несколько упрощало то обстоятельство, что в днище похищенного ведра имелась небольшая дырочка, из которой периодически капала похищенная белая краска... Я имел возможность своими глазами наблюдать за работой мастера дедуктивного метода, поскольку был прикомандирован к нему в качестве подручного. Двигаясь по оставленным похитителем пятнам белой краски на земле, следователь попутно давал мне тонкие научные комментарии: «Вот здесь зло-

умышленник ускорил шаг – пятна краски идут чуть реже, чем прежде. А здесь он замедлился, и пятна снова почти наползают одно на другое... А вот тут у него дрогнула рука – пятно имеет неровные края. Возможно, похититель не смог совладать с охватившим его волнением...» Продвигаясь всё дальше по следам преступника и делая заодно выводы об изменении скорости его передвижения и морально-психологического состояния, мы со следователем в конце концов вышли к какому-то дощатому забору, свежескрашенному в белый цвет. Рядом валялось пустое ведро со следами белой краски и дыркой на днище... «Ну вот, что я говорил!» – победоносно воскликнул следователь и отправился составлять отчёт об успешно проведённом расследовании – а заодно писать диссертацию о методике преследования злоумышленника, похитившего дырявое ведро с краской. Что же касается личности самого похитителя, то она осталась для следствия тайной за семью печатями...

– Ваш пример откровенно неуместен, – не поспешил на критику Горенс, – Нам точно известно, что Данфи не нёс с собой никаких дырявых вёдер с краской... Конечно, было бы неплохо, если бы он по дороге и впрямь непрерывно что-то ронял – например, похищенные stofунтовки. Но рассчитывать на это Мюррею вряд ли стоит...

– Тогда нам остаётся разве что проследить за Данфи с какого-нибудь вертолёт, – не полез в карман за ещё одним советом Маклуски.

– В тёмное время суток летать на вертолёт в горах лишено особого смысла, – заметил Доддс, – Скорее уж, мы могли бы обратиться за помощью к нашим доблестным космическим силам: Пускай сфотографируют окрестности Пантинктона с какого-нибудь космического спутника в каких-нибудь инфракрасных лучах!

– Так уж они вам всё и сфотографируют! – скептически хмыкнул Маклуски, – А потом догонят и ещё добавят... Вы, наверно, полагаете, что раз объект летает в космосе, то он – шедевр современной технологической мысли? Но ведь ещё старик Ньютон утверждал: Если в космос запустить обычный кирпич, он будет обращаться вокруг Земли по точно такой же эллиптической орбите, как и самый навороченный орбитальный комплекс... Боюсь, не дождемся мы помощи от наших доблестных космических спутников! С ними и собственные разработчики справиться не в состоянии. Они постоянно жалуются на то, что подшефная космическая техника отказывается подчиняться сигналам с Земли и выходить на связь с Центром Управления Полётом. (А если спутники вдруг и выходят на связь, то по своей собственной инициативе и в удобное для них время.) Почему так происходит, пока не совсем понятно... Впрочем, кое-какие догадки на сей счёт у меня имеются. Достаточно лишь вспомнить, кто и как делает электронную начинку для космической техники... Один из подобных заводов расположен в городе Бембридже. Недавно мы побывали там с официальным визитом (при расследовании дела о подрыве местной канализации) и побеседовали с Файфом, начальником лучшего отдела этой шаражкиной конторы. В порыве откровенности он выложил нам одну любопытную историю про своего подчинённого Клейтона... Как-то раз на этот завод прибыл так называемый военпред – то есть, грубо говоря, представитель заказчика. Он высказал желание осмотреть сделанные по его заказу платы, предназначенные для какого-то военно-космического спутника. А платы эти хранились в секретном сейфе, установленном в отделе Файфа... И вот Клейтон с Файфом отперли сейф, достали из него платы и вручили для осмотра военпреду. Тот перевернул их на другую сторону и ахнул – на платах оказались какие-то странные подтёки какого-то подозрительного коричневого цвета. «Что это за подтёки и каково их происхождение?» – строго осведомился военпред. Файф от неожиданности потерял дар речи; зато Клейтон не растерялся и бойко ответил: «По всей вероятности, это – следы специального клея, используемого при производстве данных плат». «Не похоже это что-то на клей...» – скептически хмыкнул военпред, – «Никогда не видел клеёв такого дурацкого коричневого цвета!» «Но именно такой цвет имеет клей, которым пользуется наш отдел», – заверил Клейтон, – «Если не верите, мы вам сейчас его покажем!» Поиски клея были прерваны наступлением обеденного

перерыва. Военпред отправился в столовую, но пообещал непременно вернуться после обеда, чтобы взглянуть на клей диковинного коричневого цвета... Как только за ушедшим закрылась дверь, Файф припёр Клейтона к стенке, и тот быстро сознался, что подтёки на платах появились по его вине. Как раз накануне вечером он поместил в секретный сейф свои собственные, левым образом изготовленные платы – и они, похоже, испачкали уже лежавшие в этом сейфе платы, предназначенные для космических спутников... Итак, одну загадку Файф успешно решил. Теперь осталось решить вторую – раздобыть где-то клей коричневого цвета... Как и следовало ожидать, все клеи, использовавшиеся при изготовлении плат, были не коричневыми, а прозрачными. К счастью, Клейтон мгновенно нашёл нужное решение: «А почему бы нам не покрасить этот клей коричневой краской?» Как назло, Файфу удалось отыскать в своём отделе краски всех существующих на свете цветов, помимо коричневого... Он уже готов был схватиться за голову от отчаяния. Но Клейтон и не думал унывать: «Не беда! Коричневый цвет можно получить смешением двух других – например, красного и чёрного!» Весь остаток обеденного перерыва Файф и Клейтон провели в неустанных трудах, подмешивая красную и чёрную краску в свой прозрачный клей, дабы придать ему необходимый коричневый оттенок... Как уверял нас Файф, в тот раз военпреда удалось убедить, что ничего плохого с его платами не произошло. Но с тех пор мы уже перестали удивляться неожиданным падениям и исчезновениям наших доблестных космических летательных аппаратов... А Доддс ещё предлагает использовать их для выслеживания Данфи? Весьма самонадеянно с его стороны!

– Не волнуйтесь: Я предложил это исключительно ради шутки, – внёс необходимую ясность Доддс, – Если же говорить серьёзно, то я вообще не нахожу поводов ломать себе голову. Ведь на розыски Данфи отправился Мюррей со своим сержантом, а не мы с вами; не так ли?

– Не исключено, что Данфи легко обведёт вокруг пальца всю пантинктонскую полицию, – трезво оценил шансы противоборствующих сторон Маклуски, – Судя по всему, он – профессиональный грабитель и большой мастер своего дела...

– А вот Тауэрс говорит, что Данфи до недавнего времени работал сторожем на каком-то складе, – уточнил Горенс.

– Это характеризует его (Данфи) не с лучшей стороны, – вынужден был признать Доддс, – Ведь всем известно: Сторожа при складах обычно имеют крайне низкий морально-нравственный облик, плохое образование и сомнительную благонадёжность, а также непреодолимую склонность к горячительным напиткам...

– Я полагаю, что исключения из этого правила всё же иногда встречаются, – выразил убеждённость Горенс, – Например, я и сам недавно едва не устроился в сторожа при складе... Я как раз вернулся в Пантинктон из иногородней поездки и снова поселился в здешней гостинице. На подоконнике своего номера я обнаружил обрывок какой-то местной газеты с объявлением от какого-то товарного склада – тот приглашал на работу ночных и дневных сторожей. В заметке красочно расписывались все прелести этого вида трудовой деятельности – лёгкая и приятная работа на свежем воздухе, удобный график с массой свободного времени, неплохая зарплата... Для большей доходчивости эти тезисы были далее приведены в стихотворной форме: «Деньги и куча свободного времени/ выправят ваше житьё и бытьё./ Ну а помимо зарплаты и премии...» – и далее текст объявления обрывался вместе с концом газетного обрывка... Не стану скрывать: Это предложение об устройстве на работу меня изрядно заинтриговало. Более всего мне не давала покоя эта последняя оторванная строчка... Может быть, и вы тоже хотите пораскинуть мозгами над этой загадкой? Тогда подумайте: Чем же ещё (помимо зарплаты и премии) пытались завлечь на работу своих сторожей хозяева этого дурацкого склада? Причём имейте в виду: Эта последняя строчка должна рифмоваться со словами «житьё и бытьё»...

– Ну а помимо зарплаты и премии, – предположил Доддс, – будут вам льготы и скидки на всё?

– Путёвка в Египет на лето вдвоём? – предложил более романтичный вариант Маклуски.

– Нет-нет, что вы! – выразил решительный протест Горенс, – Я сразу понял, что авторы объявления имели в виду некие специфические блага для своих сторожей, напрямую вытекающие из самого факта их работы на этом складе... Мой вариант выглядел следующим образом: «Ну а помимо зарплаты и премии,/ что нашёл на складе – то твоё!» (Или даже: «что упёр со склада – то твоё!»)

– На мой взгляд, ваша последняя строчка не совсем удачно вписывается в стихотворный размер, – обратил внимание Доддс.

– Я исходил из того, что данное объявление сочиняли отнюдь не Шекспиры, и кое-какие шероховатости в их литературной продукции вполне могли иметь место, – пояснил Горенс.

– К тому же, в таком виде ваше объявление приобретает совсем уж абсурдный характер, – добавил Маклуски, – Где ж это видано, чтобы для охраны склада от разворовывания приглашались сторожа, которым самим разрешается этот склад разворовывать?

– Не вижу в этом ни капли абсурдного, – возразил Горенс, – Вот вам аналогичный пример из смежной области: Сельскохозяйственным рабочим, нанятым для сбора клубники, обычно разрешается во время работы съесть столько ягод, сколько они смогут, и забирать с собой столько, сколько они сумеют унести в двух руках... Так почему бы не распространить этот интересный опыт на сторожей? Начальство склада наверняка предпочтёт, чтобы его имущество разворовывалось понемножку и постепенно одним хорошо известным им человеком – а не было бы в один момент растащено бандой каких-то неведомых расхитителей. С другой стороны, подобная прибавка к зарплате и премии как пить дать заинтересует многих кандидатов в сторожа... Итак, я почти не сомневался, что сумел правильно воссоздать последнюю строчку газетного объявления. Меня и самого начало обуревать желание устроиться сторожем на этот замечательный склад и, хорошо отдохнув на свежем воздухе при куче свободного времени, основательно разворовать доверенное мне имущество. (В тексте объявления не уточнялось, что именно на этом складе хранилось... Но я всё же решил, что дарёному коню в зубы не смотрят. Очевидно, кое-что ценное на складе наверняка найдётся, иначе никто бы не стал приглашать туда сторожей.) Увы, мои радужные надежды приказали долго жить уже на следующий день, когда мне в руки попала ещё одна газета – на сей раз с полным текстом того же объявления. Когда я его прочитал, мне ментально расхотелось работать сторожем на этом складе... Как оказалось, последние две строчки четверостишия имели следующий вид: «Ну а помимо зарплаты и премии/ вам предоставят...»

– «...бесплатно жильё»? – смекнул Доддс.

– Держите карман шире! – хмыкнул Горенс, – «...вам предоставят тулуп и ружьё»! Оказывается, вот чем (помимо зарплаты и премии) руководство этого скупердяйского склада пыталось завлечь на работу доверчивых сторожей... Обманувшись в своих самых светлых чувствах, я выкинул газету в первую попавшуюся мусорную урну и... – и Горенс вдруг замолк на полуслове, словно сражённый вражеской пулей.

– Что с вами? – забеспокоился Маклуски, – Очередная дикая идея?

– Что-то вроде того, – признал Горенс, – Я должен немедленно её отработать, не то... А ну-ка попробуем! – он резко вскочил с табуретки и стремительно выбежал из комнаты.

Доддс и Маклуски, всегда готовые к любым неожиданностям со стороны своего младшего коллеги, также поспешили подняться с табуреток. Выскочив в коридор, они вслед за Горенсом устремились в комнату под вывеской «Дежурный»... Вскоре все трое снова стояли возле большой настенной карты и внимательно изучали ближайшие окрестности города Пантинктона.

– Я вдруг подумал: А почему мы решили, что Данфи ушёл в горы по большой тропе? – произнёс в задумчивости Горенс.

– Об этом рассказал Мюррею Йорат – а тому сообщил об этом Свиндон, с которым Данфи поделился своими планами, – напомнил Доддс.

– Но должны ли мы на все сто процентов доверять этой информации? – скептически ухмыльнулся Горенс, – Во-первых, Мюррей мог неверно понять Йората; во-вторых, Йорат мог неверно понять Свиндона; в-третьих, Свиндон мог неверно понять Данфи. Но и это – ещё не всё! В-четвёртых, Данфи мог намеренно ввести Свиндона в заблуждение; в-пятых, Свиндон мог намеренно ввести в заблуждение Йората...

– В-шестых, Йорат мог намеренно ввести в заблуждение Мюррея, – продолжил его мысль Маклуски.

– Этот вариант не кажется мне вероятным. (Как-никак Йорат и Мюррей являются коллегами по работе в полиции.) – трезво оценил ситуацию Горенс, – Но ведь и пяти других вариантов вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение нашу первоначальную гипотезу; не так ли?

– Но куда ещё мог двинуться Данфи, если не в горы? – Доддс в недоумении уставился на карту, – Вы сами видите: Дорога идёт между морским берегом и горами... Уж не думаете ли вы, что этого типа подобрал на побережье какой-нибудь катер или моторная лодка?

– Прибрежная полоса между Пантинктоном и Пинфортом слишком мелководна и камениста. Ни одной лодке не под силу подойти к берегу в этом месте, – уточнил Горенс, – Если бы там было возможно купаться или кататься на лодках, там бы уже давно возник ещё один курортный городок наподобие Пинфорта или Пантинктона...

– Тогда у Данфи просто не остаётся выбора, – Маклуски провёл пальцем по трассе, соединяющей Пантинктон с Пинфортом, – Влево (в сторону моря) он бы не пошёл... Но куда ещё он мог направиться, когда слез с машины Свиндона? Обрато, в Пантинктон? Подобное предположение выглядит откровенным абсурдом. (Если он хотел остаться в Пантинктоне, ему вообще не стоило садиться в машину Свиндона.) Может быть, он потопал по дороге дальше, в Пинфорт? Но это – ещё больший абсурд. (Если он стремился попасть в Пинфорт, ему не было смысла высаживаться из машины Свиндона на полдороге.) Или вы посоветуете ему усесться прямо посередине трассы и дожидаться, пока его подберёт первая попутка в ту или иную сторону? Скажем прямо: Этот вариант ничем не лучше двух предыдущих... Стало быть, Данфи мог поступить лишь одним-единственным образом: свернуть с дороги вправо и уйти в горы, – подытожил он.

– Безусловно, вы правы, – кивнул головой Горенс, – Все прочие варианты на первый взгляд выглядят верхом нелепости... И всё же я не успокоюсь, пока не отработаю их до конца! – с неожиданной твёрдостью пообещал он, – На эту ночь Мюррей назначил меня запасным водителем грузовика; не так ли? Тогда я прямо сейчас сажусь за руль и выезжаю в путь по трассе Пантинктон-Пинфорт!

– И что же вы надеетесь там найти? – не понял Доддс, – Очередную иголку в стоге сена?

– Что-то вроде того, – подтвердил Горенс, – Ну как, вы готовы составить мне компанию?

– Ваше предприятие, скорее всего, завершится очередным пшиком, – высказал прогноз Маклуски, – Искать иголки в темноте – занятие муторное и неблагодарное. Но...

– ...но мы хорошо знаем ваши способности их находить даже там, где их быть не должно, – закончил его мысль Доддс, – Решено: Мы выезжаем вместе с вами!

Некоторое время спустя грузовик отделения полиции города Пантинктона уже катил по узкой грунтовой трассе, ведущей в соседний город Пинфорт. За левосторонним рулём со знанием дела сидел Горенс; Доддс пристроился справа, возле боковой дверцы – а Маклуски скромно втиснулся между двумя коллегами. Справа по ходу на фоне звёздного неба загадочно выступали из темноты заострённые силуэты окрестных гор; с левой стороны, вплоть до берега моря, местность была ровной и ничем не примечательной.

Фары грузовика работали во всю мощь, освещая и дорогу впереди, и обе обочины. Зоркий и наблюдательный Горенс первым заметил кое-что любопытное по ту сторону лобового

стекла и резко затормозил... Вскоре все трое следопытов уже стояли на дороге перед носом собственного грузовика, а Горенс давал коллегам свои профессиональные пояснения:

– Посмотрите: Вот здесь виднеются свежие отпечатки чьих-то шин! Судя по расстоянию между правым и левым колесом, машина эта явно меньше нашего грузовика. Похоже, речь идёт о малолитражке всё того же Свиндона... В этом месте он сначала затормозил, а затем резко рванул вперёд – вот его шины и отпечатались на грунтовом покрытии... Кстати, чуть поодаль, метрах в пятидесяти, вправо отходит та самая большая тропа, которая затем идёт в горы...

– Таким образом, официальная версия подтвердилась: Свиндон действительно высадил Данфи у большой тропы, – сделал вывод Маклуски.

– А вот не спешите! – неожиданно возразил Горенс, – Что значит «у большой тропы»? Вы же сами видите: До этой тропы отсюда – ещё полсотни метров!

– Ну какой же вы всё-таки педант! – вздохнул Доддс, – Вы готовы вести споры из-за каждого лишнего сантиметра? Но помилуйте: С учётом того, что протяжённость всей трассы составляет добрых два десятка километров, мы вправе пренебречь небольшим расхождением в пятьдесят метров и считать, что Данфи высадился непосредственно возле большой тропы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.